

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

И. В. Сучков

В ТЕНИ КОКОСОВЫХ ПАЛЬМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт востоковедения

И. В. Сучков

**В ТЕНИ
КОКОСОВЫХ
ПАЛЬМ**

(Очерки о природе
и людях Шри Ланки)

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Ю. Н. МАСЛОВ

Фотографии автора и АПН

Сучков И. В.

С91 В тени кокосовых пальм (Очерки о природе и людях Шри Ланки). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

93 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Автор прожил в Шри Ланке около четырех лет, работая корреспондентом АПН. В книге собраны его очерки о различных сторонах жизни Шри Ланки, о ее природе и животном мире, о встречах с людьми.

С $\frac{20901-185}{013(02)-76}$ 125-76

91(И5)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Щедрое солнце, буйная изумрудно-зеленая растительность, дышащие покоем долины, круто взбегающие в поднебесье горы и глубокое безбрежное море раз и навсегда очаруют всякого, кому посчастливится побывать в Шри Ланке (Цейлоне). Не удивительно, что русский писатель Антон Павлович Чехов, восхищенный здешней природой, назвал этот остров земным раем, а индийский поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор — жемчужиной в Индийском океане.

Но судьба народа, населяющего эту сказочно красивую, радующую взор путешественника землю, сложилась нелегко. Четыре с половиной столетия под игом европейских держав — вначале Португалии и Голландии, затем Англии — задержали культурное и экономическое развитие страны. Лишь в 1948 году, изгнав английских колонизаторов, страна обрела долгожданную свободу.

В преобразовании отсталой, унаследованной от колониального прошлого экономики большую помощь Республике Шри Ланке оказывают социалистические страны, в первую очередь Советский Союз. При экономическом и техническом содействии нашей страны появились первенцы ланкийской тяжелой промышленности — металлургический и шинный заводы, были созданы крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, а ныне ведутся поиски нефти.

Ланкийцы на собственном опыте убедились: Советский Союз — верный, надежный друг. И каждый из нас, советских граждан, ступая на ланкийскую землю, сразу же становится свидетелем искренних симпатий и глубокого уважения, которые питают они к нашему народу, последовательно проводящему миролюбивую внешнюю политику. Жители Шри Ланки встречают советских людей как самых дорогих, желанных гостей, и их радушие — одно из самых ярких впечатлений, которые мы, советские граждане, выносим от личного знакомства с этой страной.

Гостеприимство ланкийских друзей, устремившиеся ввысь кокосовые пальмы, величаво шествующие по шоссе слоны, затерянные

в джунглях таинственные руины давно уже обезлюдивших городов, буддийские храмы и монастыри и тут же мощные землеройные машины на дне будущего оросительного канала, трубы новых заводов и фабрик, белокаменные, крытые красной черепицей школы, скользящий по небосводу самолет и многое-многое другое составляют непередаваемо самобытный образ Шри Ланки.

И если даже у тех, кто пробыл в этой стране сравнительно недолго, найдется что порассказать, так что же говорить об авторе публикуемых ниже очерков Илье Васильевиче Сучкове, который прожил здесь несколько лет — с 1969 по 1973 год. Как по долгу службы, — он был заведующим бюро Агентства печати «Новости», — так и по зову сердца И. В. Сучков изъездил весь остров, побывал в самых отдаленных, редко посещаемых иностранцами районах, встречался и беседовал с представителями различных социальных слоев населения.

Во время его пребывания в Шри Ланке в жизни ланкийского народа произошло знаменательное, имевшее большие политические и экономические последствия событие: в мае 1970 года на смену консервативно настроенной буржуазии к власти пришел Объединенный фронт. Таким образом, И. В. Сучкову довелось стать свидетелем первых прогрессивных мероприятий нового правительства, призванных ускорить экономическое и социальное развитие страны.

Мы, советские люди, отнюдь не сторонние, холодные и беспристрастные наблюдатели экономической, социальной и политической жизни развивающихся стран, идущих путем прогрессивных преобразований, и невольно, подчас неосознанно ощущаем свою причастность к происходящим в них изменениям. И, естественно, ощущение причастности к экономическому и духовному возрождению Шри Ланки пронизывает многие очерки И. В. Сучкова — участника Великой Отечественной войны, а ныне сотрудника агентства печати «Новости» — учреждения, вся деятельность которого направлена на расширение взаимопонимания между народами.

Однако не только преобразование экономической и социальной жизни привлекает внимание советского журналиста, но и, конечно же, древняя культура Шри Ланки, ее поражающая воображение жителя северных широт богатая природа. И хотя автор не смог рассказать обо всем виденном им в этой стране, так как для этого потребовалось бы написать не одну, а несколько, к тому же значительно больших по объему книг, но самое главное ему удалось выразить, а именно многообразие Шри Ланки, ритм сегодняшнего дня и те чувства, которые охватывают нас, советских граждан, при знакомстве с этой страной.

Ю. Маслов

ГОЛУБЫЕ САПФИРЫ ЛАНКИ

Сколько помнит себя человечество, драгоценные камни всегда привлекали внимание людей. Об этом свидетельствуют бесчисленные о них упоминания в сказках и легендах народов всех стран мира.

С давних времен объектом вожделений всяких морских скитальцев и флибустьеров был Тапробан, как называли Шри Ланку греки, или Серендиб, как именовали ее арабы, славившийся по всему Востоку своими самоцветами. Поэтому в исторических хрониках он упоминался и как Ратнадвипа — «Остров самоцветов». Вот что писал в своей «Книге» известный венецианский путешественник Марко Поло: «Самые дорогие и самые красивые рубины рождаются тут; нигде таких не родится; водятся здесь сапфиры, топазы, аметисты и много всяких дорогих камней. Самый красивый в свете рубин у здешнего царя; такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной в человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить».

И дальше он сообщает, что один из правителей Востока, прослышав об этом камне, предлагал царю за него стоимость целого города. Однако сингальский властитель заявил, что ни за какие сокровища мира не отдаст никому этот символ царского величия.

Но Марко Поло — это XIII век! А вот и более поздние источники — русские. В петербургском издании «Истории Индии» начала XX века говорится: «Величиной он [остров Цейлон] равняется приблизительно трем четвертям Ирландии, и ему действительно подобает слава, так долго ошибочно приписываемая соседнему материка, богатейшей в мире сокровищницы редчайших, со-

вершеннейших драгоценных камней почти всех известных родов».

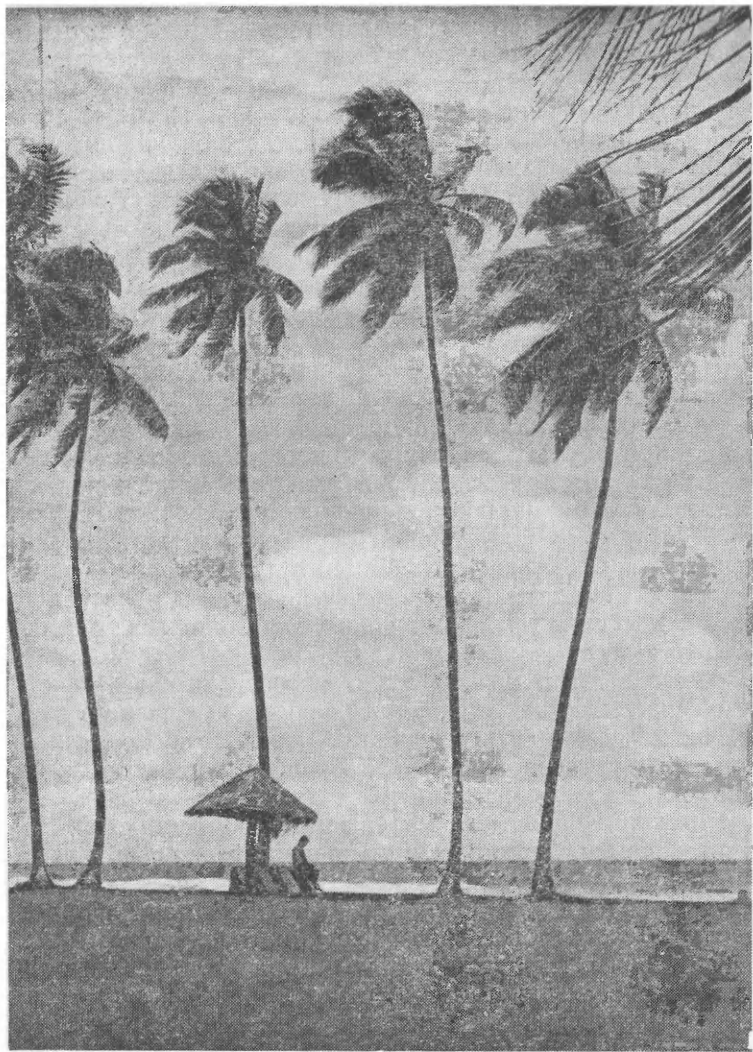
О драгоценных камнях много говорят и пишут в Шри Ланке и сегодня: в газетах, по радио, в парламенте, в частных беседах. Некоторые государственные деятели связывают с местными самоцветами решение стоящих перед страной экономических проблем.

Вполне естественно, что и советские журналисты, когда впервые попадают на остров, сразу же пытаются узнать об этом как можно больше. Я долго удерживался от соблазна, но наконец, прожив в стране около года, решил тоже подступиться к этой «экзотической» теме.

...Дорога от Коломбо до Ратнапуры не очень широкая, но хорошо асфальтированная. По обеим сторонам ее кокосовые плантации перемежаются с рисовыми полями, затем идут зеленые холмы и горы, среди которых особенно выделяется Адамов пик — место паломничества буддистов. Через два с половиной часа мы уже в «городе драгоценных камней» — так переводится с сингальского языка название «Ратнапура». Сам город обыкновенный, провинциальный, за исключением, пожалуй, одной улицы, где расположены конторы скупщиков, ювелирные лавки и мастерские. И хотя все в городе связано с бизнесом вокруг драгоценных камней, эта сторона жизни в глаза не бросается, она существует где-то подспудно и совершенно неприметна для туриста. Чтобы как-то найти пути подхода к этой теме, я первоначально встретился с мэром города Ратнапуры господином Раджапаксе, еще не старым человеком невысокого роста, одетым в строгий, темный костюм, хотя стояла сильная жара.

— Наш город отличается от других городов страны, — начал господин Раджапаксе. — Виноваты в этом, конечно, драгоценные камни. Необычность нашего города состоит не только в характере труда большинства населения, но и в том, что у нас нет безработицы. Для Шри Ланки, где около восьмисот тысяч безработных, это немаловажно. У нас даже не хватает рабочих рук на шахтах.

— Сейчас у нас здесь, — продолжал мэр, — просто настоящая «золотая лихорадка». Желание за одну ночь стать миллионером или в крайнем случае просто богатым человеком многим не дает покоя. И действительно,

На берегу океана — в тени кокосовых пальм

иногда можно разбогатеть за одну ночь. Дело в том, что в джунглях вокруг Ратнапуры породы, несущие драгоценные камни, в некоторых местах залегают на глубине трех-четырех футов. Старатели-одиночки снимают этот слой и начинают добывать камни, не получив на это официального разрешения. Ночью во многих местах в джунглях работают при свете факелов. Эта незаконная деятельность преследуется, нарушители подвергаются штрафу до пятидесяти рупий. Пойманные с личным старатели платят штраф и опять принимаются за свое. Так что наши суды все время заняты разбирательством подобных дел.

Прошу мэра рассказать о каких-нибудь интересных случаях, связанных с драгоценными камнями.

— В них недостатка нет, — отвечает мэр. — Например, такой случай. Чиновник одного ведомства, чтобы от фена не разлеталась бумага со стола, клал на исписанные листы камушек средних размеров. Зашел как-то к нему торговец драгоценными камнями, заметил невзрачный минерал на столе и выпросил его для своей коллекции, заплатив три или четыре рупии. «Камушек» оказался одним из крупнейших драгоценных камней Ратнапуры.

— Но все это не самое интересное, — говорит в заключение господин Раджапаксе. — Вам нужно побывать на шахтах, заглянуть в здешний музей, чтобы получить полное представление об этой отрасли нашей промышленности.

...Заходим в местный музей драгоценных камней. Так он называется. В действительности это своеобразный центр по продаже драгоценных камней с демонстрационным залом и мастерскими. Предприимчивый купец здесь же организовал выставку драгоценных камней, приобретенных в разных странах мира. В его коллекции самоцветы всех видов и самых разнообразных оттенков: здесь и уральский малахит, и голубой топаз из Родезии, и агаты из Мексики, и рубины из Австралии. В отдельной комнате выставлены драгоценные и полудрагоценные камни Шри Ланки. Необычайно красивы камни с редко встречающейся для их вида расцветкой: пурпурный сапфир, розовый кварц и другие. А вот и совсем необычный, попадающийся только здесь камень — сингхалит, оригинальной цветовой гаммы.

После осмотра музея меня и еще нескольких туристов зазывают в комнату, где можно выбрать на свой вкус любой драгоценный камень. Вас спрашивают о месяце рождения. Я родился в июле, и мне предлагают рубин. Апрелью соответствует бриллиант или белый циркон, сентябрю — сапфир, ноябрю — топаз и т. д. Считается, что купленные в соответствии с таблицей знаков Зодиака драгоценные камни принесут своим владельцам счастье. Есть камни, которые оберегают здоровье и охраняют от злых духов. Многие ланкийские женщины считают, например, что кольцо с опалом принесет болезни в дом, если опал не является вашим камнем.

В большой шкатулке на голубом бархате бесчисленное множество матовых, с синим отливом кристалликов — это самый распространенный здесь и самый дешевый по местным понятиям лунный камень. Считалось когда-то, что он приносит несчастье. Однако со временем лунный камень вошел в моду, правда, после того, как стал любимым камнем английской королевы Виктории. Хозяин лавки берет шкатулку с лунными камушками и высыпает их на белую скатерть — выбирайте любой! Здесь уже нет спора о каждой доле карата, как при покупке сапфиров, и хозяин может уступить в цене.

К основному зданию музея примыкает небольшая мастерская, где совершается таинство превращения невзрачных камушков в красиво ограненные, сверкающие самоцветы.

Гранильных машин здесь нет и в помине. Весь процесс обработки идет вручную. На полу мастерской или прямо на дворе сидят несколько человек и на примитивных станочках типа тех, которые вы можете увидеть у наших точильщиков, обрабатывают камни. Станочек этот без ножек, работающий за ним человек сидит на циновке. Станок состоит из каменного диска, закрепленного на деревянном валике в вертикальном положении. Путем примитивного приспособления огранщик одной рукой приводит в движение валик и диск, покрытый абразивным порошком, а другой рукой прижимает к вращающемуся кругу укрепленный на державке осколок камня. Процесс обработки требует многих часов и дней, ведь нужно придать камню определенную форму, снять все трещины и царапины. Вот почему огранщик сначала внимательно изучает камень и некоторые крупные

изъяны и края изломов спиливает ручной пилкой, а уж потом подвергает камень огранке. Рубиновые минералы с примесями или несвойственными им голубыми оттенками осторожно обжигают, чтобы придать камню темно-красный цвет. Если осталась какая-то трещина или щербина, то рубин в процессе обжига от высокой температуры еще больше трескается и теряет свою ценность.

Труд огранщиков кропотлив и утомителен, а заработки невысокие.

Шлифовка драгоценных камней также проводится вручную на допотопном станке, на котором укреплен горизонтально медный диск, приводящийся в движение. Покрытый специальной пастой, он дает возможность огранщику шлифовать обрабатываемый минерал посредством этого своеобразного круга. Так и рождаются те голубые сапфиры, с которыми чаще всего ассоциируются сокровища Ланки.

— Огранка камней, — говорит сопровождающий меня экскурсовод, — это настоящее искусство, оно передается из поколения в поколение. Только хорошие мастера путем визуального изучения могут определить, какие возможности заложены в том или ином драгоценном камне. В этом им помогают опыт и интуиция.

— Наши сапфиры нельзя обрабатывать машинным способом, так как цейлонские камни в результате обработки меняют свой цвет, — продолжает гид. — и огранщик должен уловить их своеобразие и обработать таким образом минерал, придать ему такую форму, чтобы каждая грань выявляла свою цветовую гамму. Расположи он грани в другом направлении, и вся красота может исчезнуть. Затем сюда вносит свою лепту шлифовщик. Итак, волшебники своего дела закончили свой труд — голубой сапфир готов. Вставляйте его в перстень и носите на здоровье.

....О камнях можно говорить и писать бесконечно. Но больше всего всегда интересует вопрос, как они добываются, как их находят. Не валяются же эти голубые сапфиры на дороге или в огороде? Хотя и такие случаи бывают в сказочном Эльдorado. Например, два года назад крестьянин из Ратнапуры нашел у себя во дворе самоцвет «кошачий глаз» * весом 1500 каратов. Боясь

* «Кошачий глаз» — драгоценный камень с желтоватым оттенком, внутри которого как бы играет солнечный луч.

за его сохранность, он сдал самоцвет на хранение в банк, получив аванс 25 тысяч рупий. Но вот беда, никто не хотел покупать камень в необработанном виде — слишком трудно было оценить его! Говорят, что нашелся все же один японский бизнесмен, который купил этот редкий «кошачий глаз» за 500 тысяч рупий, а после обработки перепродал самоцвет греческому магнату Онасису за пять миллионов!

Но, конечно, это не характерный случай. В основном добыча камней производится на шахтах, где труд старателей не менее тяжел и опасен, чем работа шахтеров в угольной промышленности.

Еще по дороге в Ратнапуре среди покрытых кокосовыми пальмами холмов я заметил на рисовых полях виднеющиеся тут и там крытые пальмовыми листьями навесы, издали похожие на хижины. Подхожу к одной из таких «хижин» и вижу, что навес прикрывает от дождя шахту-колодец и работающих вокруг людей. Шахта неглубокая — от семи до десяти метров, на дне ее трудятся несколько человек. Часто приходится работать по колено в воде — насос не успевает ее откачивать, так как местность здесь низменная, кроме того, идут частые дожди. В большие корзины или бадьи набирают гравий пополам с глиной и песком. С помощью ручного ворота эту породу поднимают наверх.

Извлеченную в течение дня на поверхность породу складывают в одно место и прикрывают пальмовыми листьями. Никто к ней не подходит. Лишь перед закатом солнца все рабочие собираются вместе, и под строгим наблюдением хозяина начинается промывка вынудой породы в ручье. Песок и глина вымываются водой, и на дне корзины остается пригоршня мелких камней. Среди них и находят топазы, лунные камни или рубины — как повезет! Заглянул и я в эту корзину, перебирал руками камешки, присматривался к ним, но определить, какой из них драгоценный, так и не смог. Для меня это было непостижимо, хотя любой из рабочих с одного взгляда мог определить, какой перед ним камень.

Работают на шахте артельно, и кроме фиксированной ежедневной платы старатели получают проценты со стоимости добытых самоцветов. Конечно, львиная доля «добычи» идет хозяину, который купил или арендовал

участок земли и приобрел на свои деньги это элементарное механическое оборудование.

Есть и другой способ добычи драгоценных камней. На определенных участках со дна собирают корзинами гравий и песок, который приносят с собой горные потоки. И в этой породе тоже обнаруживают желанные самоцветы.

Само собой разумеется, что только опыта и умения мало, старателям должна сопутствовать удача. Драгоценный камень, найденный старателем-одиночкой, надо еще уметь сбыть, чтобы не надули всевозможные дельцы и перекупщики.

Бывают курьезы. Так, один деревенский житель нашел драгоценный камень большого размера и отнес его к оценщику на аукцион. Тот оценил камень в 45 тысяч рупий. Старателя не удовлетворила эта сумма, и он вернулся домой. Вечером к нему в дом пришел «святой отшельник» и заговорил о драгоценном камне, который был у хозяина. Тот поразился, что «святой отшельник» знает о камне, и рассказал ему свои зловключения. Гость попросил показать камень. Он смотрел на него минуту или две и осторожно положил на свой пальмовый веер. С похвалой отозвавшись о камне, он сказал, что обладает могущественной силой и может помочь бедняку увеличить стоимость камня до одного лакха*. «Но для этого ты должен сделать какое-либо жертвоприношение», — продолжал он. Члены семьи выразили готовность пойти на любые жертвы. Тогда «святой» попросил тряпку или платок. Положил в платок камень и завязал. «Вы должны сесть в кружок, — сказал он, — положить камень посередине столика и всю ночь до самого восхода солнца совершать маттарам**». Он показал, как это делать, и назвал точное время, когда можно развязать платок. К тому времени он и сам обещал прийти. А теперь он должен навестить одного из местных жителей. Чтобы не опоздать к заключительной сцене маттарам, он попросил у хозяина его ручные часы.

«Святой» ушел, а члены семьи уселись в кружок для совершения традиционного маттарам. Наступил рас-

* Один лакх = сто тысяч.

** Маттарам — религиозный обряд, сопровождаемый игрой на барабане и песнопениями.

свет, и пришло назначенное время, а «святой» все не являлся. Хозяин и члены его семьи начали тревожиться. Потом, не выдержав, развязали платок. Оказалось, вместо драгоценного камня в платке был завязан простой камешек. Так и не явился этот святой жулик, похитив драгоценный камень, да еще часы.

Много легенд связано с драгоценными камнями. Так, когда речь пойдет об этих благородных минералах в Коломбо или Ратнапуре, вам непременно расскажут легенду о происхождении самоцветов, которая приводится в индийских ведах. Как свидетельствует этот древнейший письменный источник, происхождение камней вишневого цвета связывается с пролитой кровью воевавших между собой богов. Капли их крови падали на раскаленный от солнца песок и превращались в рубины и гранаты. Другая легенда говорит, что самоцветы — это капли амриты, божественного напитка, гарантировавшего бессмертие. И хотя боги решили потом, чтобы эти капли доставались людям в твердом состоянии и не обладали волшебной силой, люди под влиянием их красоты и необъяснимой притягательности испокон веков ведут за их обладание ожесточенную борьбу, тем более что с драгоценными камнями ассоциируется и богатство.

— Как отличить камни друг от друга? — спросил я своего гида по этому необычному музею. На витрине лежали рядом белый сапфир, циркон, белый топаз и белый кварц. Они были очень похожи друг на друга. Их еще труднее будет отличить в ювелирном изделии. Значит, в той или иной лавке могут легко продать циркон или даже кварц вместо сапфира?

— Такие случаи бывают, — ответил гид. — Вообще, одноцветные драгоценные и полудрагоценные камни различаются по твердости и весу. Чем драгоценнее самоцвет, тем он плотнее и тяжелее. По общепринятым стандартам существует десять степеней твердости минералов, начиная от гипса и апатита и кончая кварцем, корундом и алмазом. И более твердый камень, естественно, может царапать, резать, сверлить более мягкий. Для драгоценных камней характерна большая твердость. Таким образом, если вы хотите убедиться, что покупаете действительно бриллиант, попробуйте сделать на нем царапину другим камнем. Ни одним из известных нам камней вы не сможете нанести царапину

на алмаз. И еще одно — надо иметь в виду их удельный вес. Взвесьте несколько самоцветов, равных по объему, и вы убедитесь, что вес их будет разный. Так вот, по весу и объему можно точно определить, что у вас за камень. Например, алмаз весом в один карат* по диаметру не превышает шести с половиной миллиметров. В свою очередь, белый топаз в один карат имеет другой объем. Белый циркон будет меньше размером, так как его удельный вес выше удельного веса топаза. Вот почему наметанный глаз ювелира сразу же определит, белый циркон у него в руках или бриллиант, белый топаз или берилл.

— Много специфических особенностей имеют самоцветы, — продолжает гид свой рассказ. — Может быть, вам эти сведения пригодятся, когда вы захотите совершить покупку в ювелирных магазинах Коломбо. Ну а если камень у вас в оправе — надейтесь на честность продавца или несите его в отделение Государственной корпорации драгоценных камней.

Мы заговорили о богатстве Шри Ланки драгоценными камнями. Бриллианты и сапфиры Ратнадвины, славившейся ими еще в древние времена, доставлялись даже ко двору царя Соломона. Конечно, всевозможные завоеватели и колонизаторы сильно опустошили природную кладовую сокровищ. Да и в период независимости еще контрабандным путем ежегодно переправлялось за рубеж значительно больше того, что экспортировалось официально. Эту огромную утечку национальных богатств пока не удалось приостановить. В настоящее время правительство Шри Ланки принимает активные меры по борьбе с нелегальным вывозом драгоценных камней. И тем, кто многие годы наживался на незаконных махинациях с самоцветами и расхищал богатства страны, приходится сейчас туго.

В черный список дельцов-контрабандистов попал и бывший генерал-губернатор Оливер Гунетиллеке, который сейчас живет в Англии. Для расследования мошенничества недавнего верховного представителя английской власти на Цейлоне и его сына создана специальная комиссия по уголовным делам. «Знатной» семейке предъявлено семнадцать различных обвинений в связи

* Карат соответствует 0,2 грамма.

с незаконными операциями с иностранной валютой и сделками по продаже драгоценных камней. Восьмидесятитрехлетний Оливер Гунетиллеке оказался не в состоянии приехать из Лондона в Коломбо по этому делу: «по состоянию здоровья», а может быть, испугался суда ланкийского народа?

Председатель созданной Государственной корпорации драгоценных камней П. Ч. Панчиаппухами заявил в беседе со мной, что проводится расследование этого крупнейшего международного рэкета, связанного с драгоценными камнями.

— Трудно даже представить себе, какой огромный ущерб причинен Шри Ланке подобными нелегальными операциями... Основной пункт, откуда направляется вся незаконная деятельность с цейлонскими драгоценностями, — это Гонконг. Не случайно говорят, что Гонконг — «музей драгоценных камней Шри Ланки». Упорядочить торговлю камнями, пресечь контрабанду — одна из важных задач созданной теперь Государственной корпорации.

— Что же касается богатства Шри Ланки самоцветами, — продолжает П. Ч. Панчиаппухами, — то можно сказать, что по разнообразию камней наша страна уступает, может быть, лишь Бразилии. Мы думаем, что перспективы наши неплохие. Так что потенциально Шри Ланка на многие годы обеспечена драгоценными камнями. А контроль за их добычей мы полностью возьмем в свои руки. Кроме того, наша корпорация намеревается создать свой научно-исследовательский центр, который тщательно изучит геологическую структуру страны, поможет модернизировать шахты и поставить современное оборудование по обработке камней.

Придавая государственное значение этой отрасли промышленности, правительство Республики Шри Ланки стремится обратить природные богатства страны на пользу всего народа.

ЧАШКА ЧАЯ

Миллионы людей по всему свету начинают день чашкой чая и завершают его тоже чаепитием. Ароматный крепкий чай — это заряд бодрости, утоление жажды и

просто большое удовольствие. У нас в стране любая хозяйка с утра прежде всего берется за чайник или самовар и заваривает свой излюбленный сорт чая или смесь разных сортов. Ежегодно в Советском Союзе потребляется свыше ста тысяч тонн чая, но климатические условия не позволяют производить пока больше 65 тысяч тонн. Остальное докупаем за рубежом: 33,2 тысячи тонн — в Индии, свыше тысячи тонн — в Китае, 1,2 тысячи — во Вьетнаме, 1,3 тысячи — в Бангладеш и 2,6 тысячи тонн — в Шри Ланке. Цейлонский чай имеет, пожалуй, наибольшее число поклонников: уж очень хорош его запах и вкус! Предпочитая его прочим сортам чая, я не мог, понятно, будучи в Шри Ланке, обойти стороной чайные плантации, чайные фабрики и чайный аукцион в Коломбо, откуда этот душистый товар развозят на кораблях и самолетах по всему миру.

...Итак, отправимся на одну из чайных плантаций Шри Ланки. Это залитая солнцем зеленая холмистая долина, над которой плывут низкие облака, окутывая белым покрывалом близкие отсюда горы. У дороги — женщины с высокими корзинами, наполненными листьями чая. Но пока он придет к нам на стол в виде чашки золотистого напитка, сколько труда будет вложено в него, сколько времени и энергии! Каждая сборщица чая должна собрать в день тридцать фунтов мелких зеленых листков, чтобы получить за это всего две с половиной рупии. Такова на плантации дневная норма. А за каждый собранный фунт сверх того — еще пятнадцать центов.

Сборщица протягивает мне на ладони шелковистые зеленые листочки. Они очень приятны на вид — такие нежные на ее огрубевшей смуглой ладони. Женщины здесь трудятся с половины восьмого утра до пяти часов дня с часовым перерывом на обед. Пищу работницам приносят из дому. Лачуги поблизости от плантаций — это жилища работниц, предоставленные им компанией. Я немало поездил по чайным плантациям, но нигде не слышал песен, которыми славятся тамилы, преимущественно работающие здесь. Им не до песен — слишком тяжел их труд под безжалостно палящим солнцем.

Многие чайные плантации Шри Ланки еще совсем недавно принадлежали британскому частному капиталу.

Однако в октябре прошлого года объявлено о намерении правительства взять в свои руки это плантационное хозяйство, дающее молодой республике шестьдесят процентов всех валютных поступлений от экспорта.

Среди зеленых чайных плантаций виднеются белые двух-трехэтажные здания. Это чайные фабрики. Подъезжаю к одной из них. Служащий этой фабрики Даниэль Джеймс рассказывает о процессе обработки чая и попутно знакомит с фабрикой, которая была основана еще в 1892 году, то есть в эпоху английского колониального владычества. Сам Джеймс работает здесь с 1936 года. Он один из видных цейлонских специалистов по чаю. Для него производство чая — это не только профессия, но и любимое дело. Многие операции по обработке чая он выполняет с помощью выработанной годами привычки и интуиции. А это очень важно в таком тонком деле, где готовых рецептов и формул не существует.

— Качество чая теперь не то, что было лет двадцать назад, — говорит Джеймс. — Аромат чая ухудшился. А произошло это потому, что хозяева распорядились собирать с одного акра в два раза больше чая, чем раньше. Увеличение объема продукции без увеличения площадей повлияло на качество чая. Сказалось на его вкусовых качествах и применение химических удобрений...

— Зеленый чайный лист, — продолжает он, — доставляется с плантаций три раза в день. Листочки равномерно раскладываются на стеллажах. В цехе закрывают все окна и двери и пускают горячий воздух на три-четыре часа. Лист вялится, то есть лежит на стеллажах в общей сложности от десяти до шестнадцати часов в зависимости от погоды — сухая она или влажная. Эта чайная фабрика, как и плантации вокруг, принадлежит «Скотиш Ти энд Лэндс Компани».

Владения компании простираются на десятки миль. Мой собеседник предлагает пройти в комнату главного администратора фабрики, где на стене висит карта Шри Ланки, на которой в самом сердце острова, между Канди и Хапутале, заштрихованы владения фирмы. Отдельные районы помечены большими буквами А, В, С и так далее. Все это на карте похоже на обозначение дислокации различных родов войск или дивизий. В верхнем правом углу карты перечислены все владения фирмы с

Их руками собираются зеленые листочки, которые потом превращаются во всемирно известный цейлонский чай

указанием их высоты над уровнем моря — от этого зависит, какого качества чайный лист будет в том или ином районе.

— «Скотиш Ти» производит около одного миллиона трехсот тысяч фунтов чая в год, — поясняет Джеймс. — Восемьдесят процентов лучших сортов чая идет в Англию, остальная часть — на аукцион в Коломбо. Вот почему в Коломбо до сих пор говорят: если хотите купить лучший цейлонский чай, поезжайте в Лондон...

Джеймс показывает мне список совета директоров компании. Ни одной ланкийской фамилии! А вот и адрес штаб-квартиры компании: Эдинбург, площадь Шарлотты, 34. Да, далеко расположилось начальство... Жалобы плантационных рабочих на низкую оплату труда не дойдут. Но точные сводки о сборе чайного листа, прибыли от проданного на аукционе чая доходят отлично.

На чайных плантациях и на фабрике из рабочих выжимают все соки за небольшую плату. А если рабочий не справляется, его сразу же увольняют. В Шри Ланке

много безработных, еще больше их на плантациях, где работают почти бесправные тамилы. Вот что говорил о положении рабочих иностранных плантаций президент ланкийского Демократического рабочего конгресса А. Азиз, выступая на митинге в городе Матугаме:

— С утра до вечера трудятся рабочие на плантациях за мизерную плату, а служащие компаний и подрядчики живут прекрасно. Между тем на плантациях в семьях рабочих из каждой тысячи детей сто десять умирают, не прожив года. А смертность среди взрослых выше, чем среди остального населения Шри Ланки.

Недавно, после демонстрации документальных фильмов, снятых английскими кинематографистами, невыносимое положение рабочих чайных плантаций Шри Ланки стало известно широкой общественности Англии. Именно на жестокой эксплуатации плантационных рабочих-тамилы английские монополии наживали огромные барыши. Так, от реализации цейлонского чая компания «Брук Бонд» ежегодно получала прибыли в сумме 15 миллионов фунтов стерлингов, или 225 миллионов цейлонских рупий. Интересен такой случай. По возвращении в Москву из Коломбо три года назад мы сделали остановку в аэропорту Тегерана. В баре аэровокзала мы с одним знакомым ланкийцем заказали по чашечке чая. Спросили бармена, что за чай, откуда он, так как знали, что Иран не производит своего чая. Каково же было наше удивление, когда бармен ответил, что они заваривают только цейлонский чай. Чтобы рассеять наши сомнения, он принес банку из-под чая, на которой было написано: «Цейлонский чай. Экспортируется Англией». Мы молча переглянулись. Перед нами был наглядный пример действия механизма неокOLONиалистского ограбления, схема которого была до примитивности простая и старая: чай выращивают ланкийцы, а деньги плывут в сейфы лондонских банков.

...Чтобы повстречать в Шри Ланке английского плантатора, нужно было отправиться высоко в горы, где в тенистых, прохладных рощах наследники героев Киплинга выстроили белоснежные виллы. К ним от плантаций чая вверх вьются серпантины асфальтированных дорог. В просторных бунгало англичан полный комфорт и все атрибуты цивилизации: электричество, фены, кондиционеры, ваннные комнаты, бассейны. Владелец бун-

гало имеет две-три машины, но живет, как правило, в одиночестве и потому, наверное, всегда не прочь поговорить с заезжим европейцем. Один из таких добровольных отшельников принял меня однажды в своем уединенном доме, где мы беседовали с ним у камина, совершенно не нужного в этих краях, и пили золотистый, душистый чай, кустики которого были завезены сюда когда-то из Индии, из окрестностей города Дарджилинг (там чай настолько хорош, что его сравнивают по вкусу с лучшими сортами винограда — такими, как мускатель и рислинг). Этот чай любители пьют без сахара.

Задаю вопрос плантатору:

— Что вы думаете, сэр, о будущем иностранных чайных плантаций на Цейлоне? Вероятно, вы понимаете, что цейлонский народ не станет вечно мириться с этим наследием колониального прошлого?

— Ну, вы, советские, даже к чаю примешиваете политику, — усмехнулся англичанин. — Впрочем, ваш вопрос здесь задают ныне многие. И конечно, я всесторонне обдумал эту проблему. Чай — главное богатство острова, а мы в Англии — главные покупатели цейлонского чая и главные его экспортеры в десятки других стран. Если наши здешние плантации будут национализированы, а компенсация окажется недостаточной, то у цейлонцев немедленно возникнут серьезные затруднения со сбытом их чая, а это, в свою очередь, нанесет ущерб их государственной казне. У них нет сейчас необходимых крупных сумм в валюте для выплаты нам удовлетворяющей нас компенсации в случае национализации плантаций. Так что пока я спокойно пью этот замечательный чай...

В своих прогнозах английский плантатор глубоко ошибся. Не прошло и трех лет, как ланкийское правительство предприняло смелый шаг, чтобы покончить с остатками колониализма в экономике. Было национализировано 400 чайных, каучуковых и кокосовых плантаций общей площадью свыше 168 тысяч гектаров. Две трети этих земель занято под чаем. Важно отметить, что среди национализированных крупных компаний оказались все 87 так называемых стерлинговых, или зарегистрированных в Англии. Так закончилась последняя глава английского господства на острове.

...Уже совсем стемнело. Я благодарю хозяина за чай и беседу. Мы прощаемся. Выходя, я обращаю внимание на висящий на стене пробковый шлем цвета хаки. Тот самый шлем, который был всегда одним из главных атрибутов колонизатора, как бы символом колониализма. Вспомнился рассказ знакомого индийского журналиста: в одном из клубов, объединяющих английских плантаторов Ассама, существует традиция — каждый, кто уезжает на родину, в Англию, оставляет на стене в клубе свой пробковый шлем, а под ним подпись — имя владельца и годы его пребывания в Индии. К примеру: «Джон Смит, 1939—1947». В общем впечатляюще! А вместе с тем не напоминают ли эти пробковые шлемы кладбищенские памятники уходящему колониальному прошлому?

...Чайный аукцион в Коломбо — зрелище весьма интересное. Аукцион происходит в здании Цейлонской торговой палаты. Центральный зал похож на университетскую аудиторию с длинными скамьями и столами, развернутыми полуамфитеатром. В конце зала — кафедра, но на ней не профессор, а главный брокер из местной ассоциации продавцов чая. На стене позади брокера — круглые настенные часы, похожие на те, что бывают в студенческих аудиториях. Но полного сходства с университетским залом не получится, ибо на скамьях сидят не студенты, а маститые представители британских частных фирм «Липтон», «Брук Бонд» и других. Представитель каждой компании имеет свое постоянное место. Главный брокер стучит молотком по кафедре и громко объявляет одни лишь цифры:

— Один девяносто! Один девяносто! Два! Два двадцать! Два сорок!

Это цена, предложенная за фунт чая. Каждые двадцать пять — тридцать секунд совершается сделка. Здесь продаются лучшие сорта чая.

В соседнем зале — аукцион более дешевых сортов чая. Публика тут попроще: в основном агенты-посредники. И вся процедура здесь проходит не так помпезно, более оживленно, в более быстром темпе. Ряд компаний посылают своих агентов на оба аукциона.

В двух залах чайного аукциона на столах лежат каталоги с описанием продающихся сортов чая. Должен заметить, что подавляющее большинство людей, вероят-

но, имеют слабое представление о настоящем, перво-сортном чае, не знают его подлинного аромата и вкуса. Как правило, к широкому потребителю чай высшего сорта приходит уже перемешанным с чаем низших сортов, ибо огромный спрос на чай во всем мире вряд ли даже на четверть можно удовлетворить лучшими по качеству сортами, несмотря на то что мировое производство чая за последние годы тоже выросло колоссально.

Чай трудно купить на аукционе сразу в большом количестве. Ведь он собирается небольшими партиями по 20—30 ящиков, то есть от половины до полутора тонн. Каждый такой сбор имеет свою особую марку, свои сугубо индивидуальные показатели.

В Коломбо самый большой в мире чайный аукцион. Здесь продается до 170 тысяч тонн чая в год. На втором месте стоит лондонский аукцион: 160 тысяч тонн; на третьем — калькуттский: 140 тысяч тонн; на четвертом — аукцион в Найроби.

На мировом рынке, в том числе и на аукционе в Коломбо, наблюдаются небольшие изменения цен на чай, даже их понижение, в то время как на другую продукцию сельского хозяйства цены за последние годы выросли значительно. Встревоженные таким положением, страны-производители в 1969 году на конференции в городе Сан-Луи (остров Маврикий) решили ограничить производство чая, чтобы удержать цены на определенном уровне. С этой целью они распределили квоты на экспорт. Эти квоты, однако, не устраивали Индию, которая как ведущий мировой поставщик чая не хотела мириться с продолжающейся стихийной игрой цен на мировом рынке чая, с одной стороны, и с недостаточным расширением этого рынка — с другой. Поэтому была созвана новая конференция чаепроизводителей в 1970 году в Дели, где вновь распределили экспортные квоты и установили цены. На этой конференции сделали новую попытку сформировать принципы долгосрочного соглашения по чаю, которое помогло бы удержать цены от снижения. Хотя первоначально страны Западной Африки не были заинтересованы в подобных соглашениях, так как пользовались дешевым трудом на своих чайных плантациях и отсутствием налогов и пошлин, но для них положение изменилось и они тоже нуждались в международном урегулировании.

Между тем после конференций в Сан-Луи и Дели положение на международном рынке чая особенно не улучшилось. Как показывают статистические данные, рост производства чая в мире ежегодно увеличивается быстрее, чем спрос на него. Если эта тенденция не изменится, то, по подсчетам ФАО, в недалеком будущем может произойти затоваривание на мировом рынке чая.

Какие же перспективы у чая? Не приведет ли затоваривание к кризису, который может сильно подорвать чайную промышленность? И не проиграет ли чай в своей борьбе с извечным конкурентом — кофе?

Эти вопросы в меньшей степени тревожат такого производителя чая, как Индия, где лишь половина местного урожая чая идет на экспорт, а половина потребляется внутри страны. При этом внутреннее потребление в Индии будет увеличиваться, как предвидят экономисты, по следующим причинам: благодаря росту населения страны, улучшению благосостояния крестьян, а также потому, что все больше людей переезжает с места на место, и эта мобильная часть индийцев потребляет в дороге больше чая, чем обычно. Хуже складывается ситуация для ланкийцев: там 96 процентов чая идет на экспорт на международный рынок.

Но и для Шри Ланки, кажется, есть выход: сегодня мы пьем больше чая, чем наши родители, деды, прадеды. Побывавший недавно в Шри Ланке директор международной организации «Генеральное соглашение по тарифам и торговле» (ГАТТ) Оливер Лонг заявил: «В противоположность широко распространенному мнению будущее цейлонского чая не так уж мрачно!»

Лонг советует ланкийцам не устанавливать ограничений в производстве чая. Он приводит следующие доводы: во-первых, ввиду очень активной жизни в наш стремительный век в развитых западных странах люди стали проявлять больше заботы о своем здоровье и начали больше употреблять соки и другие полезные напитки — прежде всего чай. Например, в Западной Германии за последние шестнадцать лет потребление чая увеличилось с 90 до 150 граммов на человека в год. Во-вторых, почти повсеместное загрязнение речной воды химическими отходами вызвало на Западе, по мнению Лонга, отвращение к питьевой воде, которую все больше заменяют чаем. А в заключение директор ГАТТ

посоветовал ланкийцам заняться более широкой пропагандой чая и активнее рекламировать его за рубежом.

Тут можно напомнить, что еще в древности много говорилось и писалось о лечебных свойствах чая. Конфуций утверждал, что чай может даже служить лекарством от различных болезней. В наши дни группа американских ученых провела такой эксперимент: подопытным кроликам в течение некоторого времени вместе с едой давали чай, и в результате было обнаружено, что эти кролики оказались более здоровыми, чем их сородичи, не пробовавшие чая. Животные, приученные к чаю, как выяснилось, не расположены к атеросклерозу, обычным признаком которого являются потеря эластичности артерий и тромбозы. Дело в том, что чай как бы нейтрализует действие на организм жирной пищи и задерживает наступление атеросклероза.

Некоторые советские ученые, с которыми мне довелось беседовать, также придерживаются мнения, что чай может предотвратить преждевременный атеросклероз. Сотрудники Киевского института физиологии имени А. А. Богомольца пришли к выводу, что медицинские препараты, приготовленные из чая, могут помочь в лечении лейкемии и некоторых других заболеваний. Примеров в этой области можно привести еще множество. А посему хочу завершить этот очерк проверенной жизнью рекомендацией: чай — полезный напиток для человека любого возраста, здорового или больного!

ЧЕЛОВЕК ИЗ КАМЕННОГО ВЕКА

В туристическом бюро Коломбо мне дали памятку «Как встретиться с веддами», отпечатанную на пишущей машинке. Это довольно любопытный документ. Вот что в ней написано: «От Маханаганы поезжайте по новой дороге на Баттикалоа. Через пять миль около шоссе будет несколько лавчонок. Спросите там проводника Периса, который и поможет вам. Если его не окажется на месте, тогда обратитесь к почтальону из Алутунвары, который тоже не откажет в содействии. С одним из этих гидов и поезжайте в джунгли, куда можно углубиться на несколько миль в сухую погоду на автомашине. Затем вам придется оставить машину под охраной

вашего шофера. Остальной путь идите пешком. В джунглях можно найти Тиссахами, одного из предводителей веддов, семья которого состоит из десяти человек. Кроме его семьи в лесной деревне живут и другие ведды. С собой возьмите бетель, табак, орехи арековой пальмы, несколько старых рубашек и другую одежду, бисквиты, хлеб и тому подобные подарки. Проводнику заплатите от 10 до 20 рупий — в зависимости от времени, которое он с вами проведет. Недалеко от этого места, милях в пяти, есть еще пункт, называемый Сороборавева, куда вас сможет провести тот же гид».

Такая исчерпывающая инструкция меня обрадовала — значит, с веддами не так уж трудно встретиться! И вот мы в пути. Как всегда, шофер Ранатунга по совместительству осуществляет и функции гида. Едем по новой дороге из Баттикалоа — главной провинции восточной части острова. В указанном месте сворачиваем с основной магистрали и выезжаем на лесную дорогу. Остановка. Разыскиваем и берем с собой местного проводника, который понимает язык веддов. Машина «зодиак-форд» с трудом пробирается в джунглях по грунтовой дороге с выбоинами и ухабами. В период дождей она становится непроезжей. Пытаемся переехать крутой овраг с водой. Сильный стук нижней части машины о грунт, и мы, боясь ее разбить, решаем остальной путь идти пешком. Наконец выходим к какой-то деревне. Но это сингальская деревня. Нас окружают любопытные ребятишки. Идем опять в джунгли. А вот и первый ведда идет нам навстречу по лесной дороге: идет не с луком и стрелами, как мы ожидали, а с топориком.

Мы буквально набросились на него, как исстрадавшиеся от жажды, и стали щелкать затворами фотоаппаратов. Еще бы! Первый живой ведда сошел со страниц книжек и позирует нам в своей привычной позе. Наша «фотонавязчивость» его не беспокоит. Итак, перед нами потомок древнейших людей на земле, которые населяли Азию и Африку, когда они еще были одним континентом, и родственник аборигенов Австралии.

Вопрос о происхождении веддов представляет несомненный интерес для антропологической науки, вот почему ученые многих стран уделяют ему серьезное внимание. Сначала об этимологии самого названия. Слово

Ведды — древнейшее население Шри Ланки

«ведда» в переводе с санскрита означает «охотник». Так же переводится и тамильское название веддов — «ведан». Часто «ведда» переводят как «лесные люди». Как видим, и то и другое название указывает на род занятий веддов.

Существует несколько теорий о происхождении веддов. Немецкий ученый С. Д. Зелигман, посвятивший несколько лет изучению этой исчезающей этнической группы, высказал предположение, что ведды пришли на Цейлон из Юго-Восточной Азии и что они в родстве с

некоторыми племенами Малайского архипелага и Андамских островов.

В свою очередь, ланкийский профессор Г. С. Мендис считает, что ведды пришли из Индии по суше через Адамов мост. Этот вывод он делает на основе сходства языка веддов и некоторых индийских диалектов. Поэтому некоторые ланкийские ученые заявляют, что беспредметным становится спор между сингалами и тамилами о том, кто из них первым пришел на остров из Индии, поскольку еще задолго до них там жили ведды.

Мендис так описывает веддов: они маленького роста, не выше пяти футов. Голова у них сильнее вытянута, чем у ариев и дравидов, нос приплюснут, волосы курчавые. Многие из них живут не в хижинах, а в пещерах. Они носят лишь набедренные повязки, сделанные из листьев или коры деревьев.

Еще одна легенда о происхождении «лесных людей» — это версия «Махавамсы», древней хроники, написанной на языке пали. Там говорится, что ведды — потомки индийского принца Виджайи и принцессы духов-якхов Кувени. Однако вряд ли эта версия древней хроники представляет научный интерес. По мнению советского индолога и этнографа Л. В. Шапошниковой, долгие годы занимающейся индийскими племенами, ведды сродни гондам Южной Индии. Однако неопровержимых доказательств этого нет. Какие бы ни выдвигались научные гипотезы о веддах в отношении того, кто они и откуда пришли, теперь уже наукой с определенностью установлено, что веддов можно отнести к древнейшим жителям Шри Ланки.

Сейчас в Шри Ланке осталось лишь примерно 850 веддов. Когда-то, в отдаленные времена, они селились по всему острову, но позже были оттеснены в глубинные районы центральной и восточной части страны. Большинство их живет теперь в верховьях рек Гал-Оя и Мадуру-Оя. Занимаются они главным образом земледелием и ведут оседлый образ жизни. Язык веддов — диалект сингальского языка. Письменность отсутствует. Чертами лица и приплюснутым носом ведды отличаются от сингалов и тамиллов.

Сегодняшние ведды составляют три племенные группы и несколько мелких кланов. Правительство Объеди-

пенного фронта предпринимает шаги к улучшению их положения. По-прежнему продолжается процесс ассимиляции их. Так, ведды Центрального нагорья ассимилируются сингалами, а проживающие в восточной части страны, между Тринкомали и Баттикалоа, смешиваются с тамилами, перенимают их язык и нравы. Ассимиляция сказывается и на их религиозных верованиях и представлениях. Если раньше ведды верили в различных духов, обитающих среди них, то теперь буддизм и индуизм оказывают довольно сильное влияние на их представления. В результате часть их посещает буддийские или индуистские храмы.

Лишь незначительная часть веддов по-прежнему занимается охотой, в основном на кабанов и оленей, они также собирают мед, плоды и корни. Когда мужчины охотятся, женщины заняты приготовлением пищи и присмотром за детьми. Мясо жарят прямо в золе, овощи варят в глиняном горшке. Можно сказать, что бывшие занятия веддов — охота, собирательство — уходят в прошлое. С каждым днем все реже удается встретить ведда-охотника с луком и стрелами, разве лишь на параде или на каком-либо «шоу» для привлечения туристов.

Немногочисленным, цепляющимся за традиционный образ жизни веддам жить становится с каждым днем труднее. Особенно хорошо это видно на примере деревни Куда Тамменава в лесах Раджараты, в районе Виллапату-Вавуния. Здесь живет один клан, состоящий из двенадцати семей. Общая численность жителей деревни — сто двадцать человек. Жители считают себя потомками одного, очень старого веддийского клана, члены которого издавна заселяли эти земли. Они гордятся тем, что живут изолированно и не смешиваются с другими племенами и этническими группами. Браки совершаются только между членами этого клана. Если юноша берет в жены девушку из другой деревни, его считают уже вне клана. В этих же лесах есть еще небольшие поселения, родственные этому клану, откуда тоже можно брать невест. Однако чаще всего браки происходят в рамках одной деревни и совершаются в очень раннем возрасте. Когда девочке исполняется двенадцать-тринадцать лет, ее выдают замуж за старшего двоюродного брата.

Двоюродные брат и сестра уже в раннем возрасте выполняют простые деревенские обязанности по охране полей от птиц и диких животных. Проходит совсем немного времени, и они уже вместе обрабатывают участок земли (теперь уже для своего хозяйства), а затем и строят хижину. Так появляется еще одна семья в деревне. На своих маленьких участках земли, очищенных от леса, они выращивают красный стручковый перец, баклажаны, тыкву, помидоры, огурцы, кукурузу и некоторые другие культуры. Если овощи они обменивают на кокосовое масло и глиняную посуду на рынке в маленьком городишке километрах в двадцати от их деревни, то зерно производят только для себя.

Жизнь веддов в этом поселении полна опасностей. Самой большой угрозой для них являются дикие слоны и медведи. Особенно в сухой сезон в поисках воды и пищи слоны приходят в деревню, разрушают хижины. Ночью жителям с факелами в руках приходится отпугивать слонов. Летние ночи сухого сезона полны тревоги и волнений для взрослых и детей. Волей обстоятельств дети с малых лет становятся знатоками повадок диких животных.

Расширение национального парка Виллпату лишило веддов многих участков для охоты и земледелия. Один из старых жителей деревни жаловался, что пришло для них время печали, так как они теряют свои земли и свободу и все больше оказываются привязанными к своим клочкам земли.

...Ведда, по имени Ануэль Этто, ведет нас к своей хижине. Ему пятьдесят два года. Рост его не превышает полутора метров. Выглядит он физически здоровым и упитанным. Дорога к его хижине идет через обгорелые джунгли. Видимо, здесь небольшой участок выжжен под поле. Семья ведда большая — у него восемь детей. В его хижине — никаких признаков цивилизации. Типичный быт «лесных людей».

Стремясь узнать больше подробностей из жизни веддов, мы задавали много вопросов через нашего переводчика Периса. Однако отвечал нам в основном наш проводник, который, видимо, делает на этом свой бизнес. Раздача подарков, привезенных в соответствии с «инструкцией», не произвела эффекта. Через переводчика Ануэль Этто попросил у нас немного денег для своей

семьи. Эту нужду испытывали и другие семьи клана. С тяжелым осадком в душе мы покидали поселение аборигенов Шри Ланки.

ХОЗЯЕВА ДЖУНГЛЕЙ

Каждый день мы вместе с цейлонскими друзьями и проводником ездили по заповедным джунглям в поисках слонов. Распорядок был жесткий: выезжаем в шесть утра, затем возвращаемся к завтраку, днем отдыхаем и снова трясемся на джипе с пяти до шести тридцати вечера. Хищников здесь немного. Спокойно пасутся стада пятнистых оленей, разгуливают живописные павлины, изредка попадаются серенькие, невзрачные павы. Около водоемов бродят с воронами на хребте дикие буйволы, хрюкают и боязливо перебегают дорогу десятки диких кабанов. Однако слонов не было, хотя их следы мы видели повсюду и присутствие их чувствовалось везде. «Некоторые туристы ездят неделями, но так и не видят слонов», — утешал нас проводник.

Правда, однажды нам повезло: вечером, когда мы пили чай в бунгало — легком двухэтажном домике, который обычно сдается посетителям заповедника, поблизости послышался треск сучьев. Мы обернулись: на фоне еще светлого неба поверх кустарника виднелись два силуэта слонов — мать с детенышем. Они шли к бунгало, но, услышав голоса, остановились. Раздался тревожный зов — звук вибрирующий и рассыпающийся, словно кто-то дул в большую раковину, и слоны свернули к реке. Позже животные опять показались на короткое время: возвращались с водопоя. Затем все стихло...

Сегодня утром наша поездка опять была неудачной. Прошел небольшой дождь, и джип с трудом пробирался по грязи и лужам лесных дорог.

— А зачем мы возим с собой проводника? — спросил кто-то, когда после завтрака мы поехали купаться на побережье океана, милях в пяти от бунгало.

— Да, говорят, порядок здесь такой, без него ездить нельзя. Поэтому хочешь не хочешь — вози его с собой.

А через несколько часов человек, которого мы «хо-

чешь не хочешь» возили с собой, наш проводник Садерис, спас нам жизнь. Произошло это вот как.

Купание закончилось, приближалось время обеда, и наш джип быстро катил по лесной дороге. Было около трех часов пополудни. Мы выехали на шоссе, успешно миновали одну или две огромные выбоины, заполненные водой, и вдруг... «Слоны!» — хором воскликнули мы. Совсем близко от нас, справа, стремясь пересечь дорогу, шли два слона с маленьким слоненком. Они тесно прижимали малыша боками, готовые в любую минуту отразить опасность. Мы проехали мимо них. Машина остановилась. Щелкнули затворы фотоаппаратов. Слоны насторожились, повели ушами, но продолжали свой путь. Этим бы все и обошлось. Однако один из наших знакомых, по имени Барон де Ливьера, большой фотолюбитель, повидавший на своем веку немало слонов, решил подать джип назад, чтобы поближе сфотографировать эту пару с малышом. Кому-то из нашей компании такая близость показалась опасной, и он попросил ланкийца ехать вперед. Барон де Ливьера проехал метров пятнадцать, затем опять остановился и вышел из машины со своим «Кэноном». В это время оказавшийся на дороге сзади нас слон протяжно протрубил — это был сигнал опасности. С левой обочины впереди джипа вышли еще два слона — огромная слониха со слонком, а первая пара остановилась на дороге метрах в пятнадцати от машины, отрезав нам путь к отступлению. Советовать что-либо водителю было поздно. Справа деревья и кустарники, дальше водоем, и около него дикие буйволы. Слева канава и непроходимая стена джунглей. Ехать некуда. Мы в плену у слонов. Водитель заглушил мотор. Огромная слониха приближалась, и тут мы заметили, что она беременна. Сзади, чуть поодаль, шел самец.

По сравнению со слонихой джип казался детской игрушкой. Вот нас разделяют четыре метра, три метра... Глаз слонихи из-за крыши кузова уже не видно, в нашем поле зрения лишь кончик хобота неприятного розового цвета.

В этот момент и вмешался Садерис. Он высунулся из джипа и что-то властно прокричал слонихе. Та попятилась назад метров на пять-семь, остановилась. Затем почесала одну переднюю ногу о другую, как бы гото-

Журналист Барон де Ливьера и проводник Садерис — знатоки джунглей: любой слон уступит им дорогу

вась ко второй атаке, и снова пошла на нас. Обстановка осложнялась еще тем, что слонихе некуда было сворачивать. Пробраться влево, через чащобу, она не могла, но и обойти нас было нельзя: шоссе было слишком узко. Сзади, подбадривая самку, наступал слон.

Медленной поступью огромное животное вновь начало приближаться к нам. Расстояние сокращалось. Шесть метров, пять, четыре, три... Проводник почти по пояс высунулся из джипа и опять громко крикнул слонам что-то повелительное, угрожающее. Слоны остановились. Задний свернул в сторону и начал пробираться через кусты. Слониха стояла как вкопанная. Проводник попросил нашего знакомого без шума и рывка отъехать немного назад. Тихо заработал мотор — джип медленно, очень медленно тронулся с места. Слоны наблюдают. Еще один гортанный крик нашего проводника слонихе, и та, сделав два-три шага вперед, получила воз-

можность свернуть в сторону. Пятясь назад, она как бы присела в кювете, уперлась в кусты, освобождая нам путь. Джип вновь медленно и незаметно подался вперед и начал двигаться. Слониха продолжала с опаской наблюдать за нами... Лишь отъехав метров на двести, мы вздохнули свободно. А слоны собрались на дороге, и мы еще долго видели их, стоящих там на одном месте.

Только в бунгало мы по-настоящему пришли в себя. Нам захотелось узнать, почему дикие слоны подчинились воле безоружного человека, какие слова говорил слонам проводник.

— Какие слова? — начал Садерис. — Это набор буддийских заклинаний. Их трудно перевести, но основной смысл — требование, чтобы слон уступил дорогу.

— А послушались бы слоны, если бы эти слова говорил кто-нибудь из нас?

— Нет, — сказал проводник, — потому что все зависит от интонации, выражающей ваше внутреннее состояние, вашу решимость и убежденность. Вы же в это время были испуганы. У слонов, как и у других зверей, есть определенное представление о человеке. Они считают его сильным существом и поэтому всегда как бы робеют перед ним. Но если только звери почуют испуг людей (а испуг этот они чувствуют в прямом смысле слова — по испарению человеческого пота), то смело идут в наступление.

— А приходилось ли вам раньше бывать в ситуациях, подобных сегодняшней? — спросил я.

— Почти нет, — ответил проводник. — За двадцать пять лет моей работы это второй раз. Нынешний случай был особенно опасным: нам встретились слоны со слоненком. Каждый из вас, вероятно, думал, что он на волоске от смерти.

— Вообще, слоны довольно мирные существа, — продолжал Садерис. — Но и среди них есть опасные и злые, особенно одиночки. Слоны, как правило, живут семьями, где может быть только один вожак. Когда встречаются два самца, претендующие на роль вожака, между ними начинается бой. Победивший остается с семьей, второй уходит и бродит один. Вот этот самец, которого в народе зовут «оборванный хвост», — самый опасный. Иногда детеныш рано остается без родителей и как бы лишается воспитания. Он также озлобляется

и становится более опасным для человека, чем другие слоны.

В свою очередь, Барон де Ливьера рассказал нам, что Садерис давно работает здесь. Власти хотели сделать его старшим над лесничими и проводниками, но он отказался: не захотел сидеть в конторе. Он любит лес и его обитателей и не желает расставаться с джунглями.

— Поэтому,— добавил он,— когда сегодня днем вы мне давали различные советы, я никого не слушал, кроме Садериса. Я тоже не впервые здесь и кое-что знаю о слонах. Их сильно раздражает шум мотора, вот почему сегодня я старался как можно осторожнее включать зажигание и без рывка подавать джип вперед и назад.

— Скажите,— спросили мы,— вот существуют всякие легенды о слонах, будто в предчувствии смерти они уходят в отдаленное и доступное лишь им место — кладбище — и там умирают. Правда ли, что человек никогда не видел трупа слона?

— Не знаю, я не видел, поэтому сказать ничего не могу. Но вот как рождаются слоны, я видел и, если хотите, расскажу.

Мы готовы были слушать хоть до утра. Нас теперь все интересовало о слонах: как они рождаются, сколько живут, как питаются, спят — в общем, все, все.

— Случилось это года два назад, — начал свой рассказ Барон де Ливьера. — Как-то раз, возвращаясь вечером после поездки по джунглям, мы заметили неподалеку беременную слониху. Она шла по направлению к реке. Особого значения мы этому не придали. Но когда вечером вот здесь, на веранде, сидели и пили чай, то услышали трубный, как бы предсмертный вопль гиганта. Столько было боли и мольбы о помощи в этом зове, что мы не могли сидеть спокойно. «Идти туда очень опасно, — предупредил проводник. — Тем более что мои слова-заклинания не действуют на слонов при таких обстоятельствах».

— Мы решили, — продолжал Ливьера, — поехать и посмотреть издали. Наш джип медленно пробирался в ночных джунглях, прорезая тьму светом фар. Вдруг мы услышали в стороне тяжелые вздохи и стоны и ярдах *

* Ярд = 91,5 см.

в двадцати пяти от реки увидели в свете фар лежащую на боку огромную слониху. Рядом с ней стояли еще четыре слона. Они заметили нас, тревожно подняли хоботы, протрубили и удалились глубже в лес. Тут мы заметили малыша. Мать поднялась на ноги и встала около него. Мы решили подъехать поближе с другой стороны, чтобы лучше рассмотреть новорожденного. Малыш закопошился, пытаясь подняться на ноги. Мать обхватила его хоботом и помогла ему. Слоненок был очень темный, ростом не больше двух футов*. Мать пропустила его под себя, после чего оба медленно прошли в кусты, укрываясь от света фар...

— Это действительно редкий случай. Мало кто видел такое, — продолжал рассказ наш знакомый. — К счастью, все обошлось благополучно. Слоны, как вы, наверное, знаете, приносят потомство раз в четыре года, а беременность у слонихи продолжается двадцать два месяца. Для родов они удаляются в малодоступные для человека места. Мы бы, конечно, ничего не увидели, если бы не преждевременные роды. Не успела дойти.

Слоны никогда не покидают слониху во время родов. Они выполняют роль акушеров и нянек и даже готовят для нее «постель»: разрыхляют землю, делают какое-то подобие подушки. Когда начинаются схватки, они массируют хоботами живот слонихи, стараясь облегчить боли.

Давно закончилось чаепитие, а мы все не расходились. Мерещилось, что слоны где-то здесь, рядом, только скрыты мраком тропической ночи. Может быть, даже стоят вокруг нашего бунгало и, слушая рассказы де Ливьеры и Садериса, одобрительно покачивают хоботами.

...Трудно, будучи в Шри Ланке, не увидеть слона. Его можно встретить не только в джунглях или заповедниках, но и на лесопильном заводе, на цирковой арене, в зоопарке Коломбо, на религиозном празднике перахера, купающимся в реке и просто идущим по дороге с погонщиком на спине и охапкой зеленых листьев. С древнейших времен и до наших дней слон является верным помощником человека, находится в гуще цейлонской жизни. Но бурное развитие в XX веке не обо-

* Фут = 30,5 см.

шло стороной и этих миролюбивых, питающихся растительной пищей животных, которых зовут здесь «царями джунглей». Сколько их осталось здесь? Как выглядит он, этот «царь джунглей»? Чем отличается он от себе подобных, живущих в других странах Азии и Африки?

Как известно, все слоны делятся на азиатских (индийских) и африканских. Азиатский слон встречается в Индии — от подножия Гималаев до мыса Коморин, в Бирме, Таиланде, на Малаккском полуострове и на островах Шри Ланка, Суматра и Калимантан. Индийский слон ниже африканского, но туловище его длиннее, уши меньше, слабее развиты бивни (причем чаще они встречаются у самцов).

Из всех органов чувств наиболее развито у слонов обоняние: они улавливают запахи на расстоянии до пяти километров. Поэтому невозможно подобраться к слону незаметно. Этим великолепным органом обоняния является хобот. Хобот выполняет и другие функции: он — шланг на водопое, рука, срывающая ветки с деревьев, поднимающая с земли вкусные плоды и отправляющая их в рот. Слух и зрение для слона играют второстепенную роль. Он не полагается на свое зрение и для получения полной информации о происходящем высоко поднимает хобот. Ночью, наоборот, он опускает хобот к земле для ориентировки.

Слоны очень любят воду. Во-первых, один слон выпивает ежедневно до 170 литров. Во-вторых, они не упускают малейшей возможности набрать в любом водоеме воды хоботом и обдать себя. При посещении, например, города Канди можно часто наблюдать такую картину: в мутных потоках текущей близ города реки лежат, словно огромные глыбы, слоны, а погонщики трут щеткой и скребками их бока. Слоны очень любят эти водные процедуры. Вряд ли поэтому стоит удивляться, что они отлично плавают. Руководивший в течение многих лет отловом слонов в колониальной Индии Г. П. Сандерсон сообщает, что однажды он перегонял большую группу слонов в другую часть страны и слонам пришлось плыть шесть часов подряд, преодолевая большой участок, покрытый водой. Ни одно животное не утонуло. Слоны умеют также нырять и могут оставаться под водой в течение нескольких минут.

В ланкийских джунглях слон без труда находит пи-

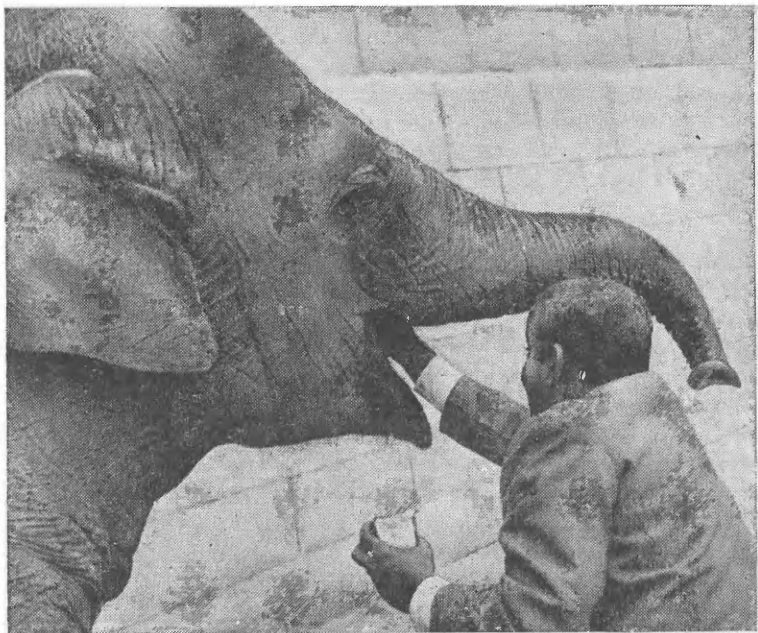
щу: сочной травы и листьев здесь достаточно. Однако в засушливый сезон, а иногда просто чтобы полакомиться, слоны забредают на плантации сахарного тростника, кукурузы, на крестьянские поля и огороды, причиняя огромный ущерб земледельцам. В некоторых районах слоны уничтожают до трети посевов сахарного тростника и злаковых. Ведь слон обычно съедает около 350 килограммов зеленой массы, что составляет десятую часть его веса.

Хобот и бивни являются неплохим «оружием» слона. Он может схватить хоботом человека, высоко поднять его, затем швырнуть на землю, вдобавок еще и растоптать свою жертву ногами. Так погиб один ланкийский журналист и фотокорреспондент газеты «Таймс оф Цейлон». Он настолько увлекся фотографированием животного, рассказывал мне директор издательства этой газеты Дон Николас, что забыл об опасности и в результате пал жертвой рассерженного гиганта. Даже фотоаппаратуру слон злобно втоптал в землю. Однако бивнями как оружием слон пользуется редко.

Наукой теперь с точностью установлено, что слоны не отличаются долголетием: они живут 60—70 лет. Их биологические фазы (т. е. детство, юность, зрелость и старость) сходны с человеческими. Слон может быть капризным и вздорным. Рост новорожденного слоненка немного превышает полметра, взрослого — достигает трех метров. Самки меньше ростом — от 2,3 до 2,5 метра.

Известно, что слоны живут стадами. Обычно стадо состоит из одной семьи численностью до 30 животных, включая малышей. Бывают случаи, когда объединяются две-три семьи слонов и так передвигаются в джунглях. Такие большие стада встречаются в восточной части острова, между реками Махавели-Ганга и Маха-Оя. В стаде обычно верховодит старая слониха. Например, когда нужно отправиться на поиски пищи, слониха как более опытная чаще всего сама выбирает направление и возглавляет стадо. Однако самец берет на себя функции главного сторожа, а в случае опасности подает сигнал тревоги и прикрывает отступление.

Слона зовут «царем джунглей», что особенно верно в отношении цейлонских джунглей, где нет крупных зверей. Хорошо изучивший жизнь джунглей Сэмюель Бей-

Слоны быстро привыкают к человеку

кер* пишет: «Царем джунглей обычно считают льва, но тот, кто видел дикого слона в джунглях, вряд ли усомнится хотя бы на миг, кому предпочтительнее отдать этот титул». Сандерсон заявляет об этом еще более категорично: «Если на титул царя зверей претендуют даже лев или тигр, то слон все же превосходит их своими биологическими качествами и физической мощью».

Как и жизнь настоящих царственных особ, жизнь самых крупных представителей животного мира овеяна легендами. Например, легенда о «кладбище слонов», то есть о существовании таких потайных мест, куда добираются слоны при приближении смерти. Один из английских колониальных чиновников, Дж. Э. Теннент, в

* Бейкер Сэмюель Уайт (1821—1893) — английский исследователь бассейна Нила, до посещения Африки долгое время живший на Цейлоне.

книге «Дикий слон» приводит распространенное среди сингалов поверье. «Они верят, что, чувствуя приближение смерти, слон отправляется в уединенное место и там дожидается смерти. И хотя каждый верит в существование такого кладбища, никто никогда не видел его своими глазами... Один из кандийских вождей уверял, что слоны, чувствуя приближение смерти, направляются в долину Саффарагам, расположенную среди гор восточнее пика Адама, путь к которой ведет через проход в скалах, и там, на берегу озера с чистой водой, они проводят свои последние часы. В это верят все мои соотечественники, добавил кандийский правитель».

Конечно, подобные легенды зарождались в те далекие времена, когда средства сообщения были весьма примитивными и многие районы Цейлона были мало исследованы или вовсе недоступны для человека. Вот почему редко кто видел останки диких слонов, умиравших естественной смертью. Иное дело теперь, когда каждая квадратная миля страны слонов нанесена на карту. А вот таинственной долины — «кладбища слонов» — так и не удалось найти. В чем же дело? Видимо, таких кладбищ просто не существует. В 1972 году служащий государственного департамента по охране цейлонской фауны Лакшман Ратнапала в джунглях Рахуны (юго-восточная часть острова) нашел останки трех слонов. Причем одного из них Лакшман Ратнапала видел, когда он был еще при последнем издыхании. Слон умер естественной смертью, лежа на боку около небольшого пруда. Второго он увидел лежащим в водоеме, лишь часть его головы и хобота высывалась на поверхность, да слегка шевелился кончик хобота, свидетельствуя о не угасшей еще жизни. «Потом все движения прекратились, слон умер», — рассказывает наблюдатель. Этого слона он видел еще накануне невдалеке от пруда с несколькими огнестрельными ранами, нанесенными крестьянами, которые защищали свой урожай. Скелет третьего слона был найден на берегу реки Меник-Ганга.

Как видим, во всех трех случаях останки слонов находились около водоемов или на берегу реки. Этим, пожалуй, и объясняется «исчезновение» скелетов. Вот почему всегда оказывались тщетными поиски охотников за слоновой костью.

Почему слоны перед смертью пробираются к водоемам? Как считают специалисты, с началом упадка сил и выпадением зубов или в результате полученных ранений слон чувствует приближение смерти и пробирается к водоему, чтобы не тратить силы на поиски воды. Как правило, около водоемов всегда есть и растительность. Животное остается около воды, пока не наступит смерть или, наоборот, пока полностью не заживут раны, животное наберется сил и снова сможет двигаться.

В литературе часто возникают разногласия о росте слонов. Даже многие натуралисты считают, что индийские слоны бывают выше трех метров. Тот же Сандерсон категорически утверждает, что из ста пойманных им слонов в Южной Индии и Бирме самые высокие животные никогда не превышали 9 футов 10 дюймов, т. е. 277,6 см. Конечно, пойманного в загон слона несложно измерить, а как узнать рост тех, которые свободно гуляют в джунглях? Ученые определили, что рост слона можно установить по отпечаткам его передних ног. Длина окружности следа слона, помноженная на два, дает цифру его роста — ошибка может быть не больше 2—4 сантиметра. Между прочим, этот оригинальный способ предложил знаменитый исследователь Африки Ливингстон.

А теперь хотелось бы уточнить, сколько же все-таки осталось диких слонов в Шри Ланке? Занимавшийся изучением этого вопроса натуралист Г. М. Маккей предлагает взять за отправную точку известное науке среднее число животных на квадратный километр в районе Гал-Оя в XIX веке. В результате такого подсчета общее число слоновьего «населения» по всему острову составляло тогда 12 тысяч.

Видимо, эта цифра близка к действительному положению вещей. О большом количестве этих млекопитающих на острове в прошлом свидетельствует следующее: король Раджасингха II подготовил для своей армии 2,2 тысячи слонов, намереваясь атаковать португальцев в их крепости Коломбо в 1558 году. Все сингальские короли имели в своих армиях особые подразделения вооруженных людей на слонах. По свидетельству англичанина Роберта Нокса, который около 20 лет прожил на Цейлоне пленником кандийских правителей, кандийский царь в своем войске имел около 100 слонов в ка-

честве боевой силы. И подобное использование слонов, и даже ежегодные поставки 37 слонов португальцам на экспорт не отражались на поголовье этих животных.

Их численность начала быстро сокращаться в период господства англичан на Цейлоне — в XIX веке. В этом большую роль сыграли хозяева кофейных плантаций, защищавшие свои владения от нашествий диких слонов, а также многочисленные «спортсмены» из метрополии и из местной колониальной администрации, которые каждого убитого ими слона считали доказательством большой доблести. Немало было и охотников за слоновой костью, свидетельством чего является такой факт: с океанского дна недавно был поднят пароход «Элизабетвиль», затонувший в конце прошлого века на линии Коломбо — Лондон. Среди груза оказалось и восемь тонн слоновой кости. В колониальных архивах есть точные цифры экспорта слонов с Цейлона: с 1863 по 1884 год было вывезено 1875 слонов!

Хищное истребление животных чуть не привело к их полному уничтожению. По данным государственного департамента охраны фауны Цейлона, в 1951 году на острове осталось всего лишь 1,5 тысячи слонов.

Сколько их теперь, двадцать с лишним лет спустя? Доктор Маккей считает, что слонов сейчас 1,6 — 2 тысячи, или 15% их общего числа в конце XIX века. Если это так (более точных данных нет), то на острове этих животных сохранилось в процентном отношении больше, чем в любой другой азиатской стране. Меры, принятые государством (создание заповедников и национальных парков), будут способствовать дальнейшей охране этого великолепного «царя джунглей».

КУЛЬТ КОБРЫ: ФАКТЫ И ДОМЫСЛЫ

Как-то, совершая поездку по горной части Шри Ланки, мы съехали с главной дороги, чтобы познакомиться с одним замечательным буддийским храмом. Живший неподалеку главный жрец храма охотно согласился показать его. Внешне он был невелик и как бы прилепился к огромной скале. Однако его размеры оказались значительно большими, чем казалось первоначально, ибо часть его сводов была вырублена в скале.

Мы с трудом передвигались по темным, прохладным переходам, направляясь к главной нише, где находилось вытесанное из цельного камня изображение лежащего Будды. Нас одурманивал запах каких-то благовоний и цветов храмового дерева.

— В этом зале обычно проходит церемония богослужения, — говорит жрец. — Здесь посетители оставляют свои приношения.

Карманным фонариком он освещает своды зала, и боковые ходы, и различные закуточки, и каменное тело лежащего Будды, в неизменной позе, отрешенного от всего мирского, как бы говорящего: «Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено».

— Туда не ходите, — предупреждает служитель нашу попытку пройти боковым ходом. — Там живут кобры. Если их не трогать, они не опасны. Питаются они тем, что приносят прихожане — бананами, цветами, листьями.

При этих словах нам стало не по себе в этом темном храмовом помещении. Скорее захотелось на яркий солнечный свет, вдохнуть свежего воздуха...

Так мы впервые столкнулись с древним ланкийским обычаем — почитанием змей. Нам стало понятно, почему на красочных масках ланкийские мастера помещают извивающихся кобр, почему сингал, особенно в сельской местности, никогда не убьет змею, если она заползла к нему в дом, а наоборот, постарается выпустить ее на свободу.

Наибольшим почитанием и поклонением пользуется кобра — «королева змей», самая ядовитая и довольно распространенная на Ланке. Многие мифы, легенды, традиции и обычаи связаны с этим представителем царства рептилий. А начало этому было положено более 2500 лет назад, когда, как считают некоторые исследователи, Ланку населяло наряду с якхами племя нага (в переводе «змея»), поклонявшееся змеям. Как говорит легенда, был даже «Змеинный остров» — королевство, существовавшее за много столетий до прихода индийского принца Виджая.

В сингальском обществе с давних времен было деление на касты. Почитая это установление как данное свыше, сингалы перенесли это социальное устройство и на кобр. Все семейство кобр было поделено на четыре

касты: кобры королевской касты, брахманской, торговой и крестьянской. Существовали также кобры и самых низших каст: касты барабанщиков и крысиных змей. К последней касте относились все виды кобр, питающихся крысами.

В народе живет представление, что кобры белой окраски (имеются в виду кобры-альбиносы) живут во дворцах и питаются цветами сайды и высушенными листьями бананов. Они не употребляют в пищу крыс и лягушек — обычный рацион змей. Кобры брахманской касты — светлой окраски, обитают в храмах и питаются ароматными цветами и сухими листьями. Относящиеся к торговой касте — красно-коричневой окраски, чаще всего живут вблизи от жилья человека и питаются мясом. Кобры крестьянской касты — светло-коричневого цвета, обитают в полях и питаются рисом. Кобры низших каст — по цвету черные, питаются чем придется, как и положено представителям этих каст.

Древний обычай поклонения кобрам привел к появлению множества суеверий и ошибочных представлений о жизни этих змей. Специалисты по рептилиям Шри Ланки на основе опытов и наблюдений опровергают многие из ошибочных представлений, в том числе кри-тикуют и «кастовое» деление.

Например, существует поверье, что если вас укусила кобра низшей касты, то вы можете не бояться кобр высшей касты — они вас не тронут. Оказывается, это не так. Во время опытов нескольких крыс подвергали атакам кобр из низшей касты, а затем кобры высшей касты пожирали этих грызунов, не обращая внимания на их «оскверненность».

Далее, сингалы верят, что королевские и брахманские кобры, охраняющие храмы и священное дерево Бодхи, не едят крыс и лягушек, а лишь цветы и сухие банановые листья.

Пойманным в храмах или у священного дерева кобрам высших каст ланкийский зоолог Анслим де Сильва в течение многих недель предлагал цветы и сухие банановые листья. Однако они отказывались от такой пищи. И наоборот, они с большой охотой поглощали обычную пищу змей, которую им потом предлагали.

Более того, даже самые почитаемые белые кобры, пойманные в районе Галле, тоже оказались обычными

пресмыкающимися: они преспокойно поедали крыс и птичьи яйца. Одна такая кобра была поймана в каких-то развалинах, что никак не соответствует бытующему поверью, будто они обитают только в храмах.

Многие также полагают, что змеи высших каст, охраняющие храмы и священное дерево, выползают из своего укрытия, как только у храма появится «нечистый» человек (сюда относится и человек, который присутствовал на похоронах). Но из проведенных экспериментов выяснилось, что кобра всегда выходит из своего укрытия, когда человек появляется вблизи, будь то «чистый» или «нечистый».

Если же подойти к этому вопросу с научной точки зрения (см., например, «Жизнь животных»), то правильнее было бы разделить кобр на различные виды по цвету: желтоватые, красновато-коричневые, темно-коричневые и темно-оливковые. Черные кобры тоже встречаются, и очень редкими являются альбиносы.

Итак, можно сказать, что с давних времен кобре отводилось важное место во всяких религиозных ритуалах как объекту поклонения, символу процветания, хранителю сокровищ и воды. Ее образ запечатлен в каменных барельефах, сохранившихся в древних сингальских столицах Анурадхапуре и Полоннаруве, на фресках, в поэтических и драматических произведениях ланкийского народа.

Кобра занимает «почетное» место в мифологии сингалов и тамиллов. С нею ассоциируются, например, представления о некоторых злых духах и демонах: кобры покрывают все тело двуглавого демона; у одного из планетных богов голова кобры на человеческом теле; другой планетный бог, наоборот, изображается коброй с человеческой головой; ядовитые зубы кобры венчают многие изображения женщин-демонов. На масках, которые надевают во время ритуальных танцев, часто изображены кобры, извивающиеся самым фантастическим образом.

...Каждый, кто побывал в Индии или в Шри Ланке, видел заклинателей змей (факиров) с кобрами. Играя на флейте, факир заставляет кобру подниматься из корзинки и затем двигаться в такт мелодии. Эти уличные сценки довольно обычны. Но существуют и более «серьезные» укротители змей. Вот, например, один из них.

Укротитель трижды обходит вокруг насторожившейся кобры и читает мантры*, иногда с палочкой в руках, которую затем он втыкает в землю. Кобра внимательно, как загипнотизированная, смотрит на палочку или укротителя. Это представление называется «загипнотизированная кобра». В известной книге Роберта Нокса «Историческое описание острова Цейлон» также упоминается об этом: «С чуть приподнятой головой и вытянутым туловищем кобра может стоять неподвижно два-три часа». Многие верят, что подобного результата укротители змей добиваются своей «магической» силой.

Ланкийский натуралист Анслим де Сильва, исходя из собственных опытов, так объясняет этот «фокус». Если человек идет навстречу кобре, она обычно начинает вытягиваться и поднимать голову. При таком наступлении «с фронта» она не будет отступать, а начнет наблюдать за действиями «противника» или его «оружием», т. е. палочкой, ожидая каждую секунду атаки и, в свою очередь, приготовившись к контратаке. В случае если человек остановится неподвижно, застынет и кобра. В таком состоянии готовности к нападению она будет пребывать до тех пор, пока не иссякнут силы. Как видим, секрет гипнотизирующей силы заклинателя очень прост. Наконец, еще один момент: когда кобра пристально следит за факиром, совершающим три круга, она, естественно, поворачивает свое тело, сворачиваясь в два-три кольца. Было установлено, что при таком положении тела кобра не только не может свободно передвигаться, но ей трудно и атаковать противника. Пользуясь неосведомленностью зрителей, факиры объясняют свою неуязвимость использованием особой мази и ношением различных амулетов. Тут же заклинатели предлагают купить эту мазь для лечения от змеиного укуса или змеиные камни-талисманы в целях предохранения от укусов змей. Факир показывает, как благодаря этому талисману можно спокойно дотронуться до головы кобры. Объяснения к этим «цирковым» трюкам уличных заклинателей следующие: опасная зона для человека во время контактов с коброй ограничена определенным радиусом от ее поднятой головы. Разумеется, заклинатель с точностью до сантиметра знает

* Магические формулы.

эту дистанцию. Далее, кобра физически не в состоянии нанести удар по человеческой руке, расположенной на определенной высоте параллельно земле, потому что она не может поднять голову перпендикулярно. Если принять все это во внимание, можно вытянутой рукой безнаказанно коснуться головы кобры. Змееловы знают все эти особенности кобр и учитывают при их отлове.

Если вам представится возможность увидеть выступление уличного факира, понаблюдайте за ним. Вот он прикосновениями флейты и руки раздражает змею, затем монотонным голосом и плавными круговыми движениями руки как будто успокаивает ее. Вновь раздражение. Факир ловко избегает атак разозленного пресмыкающегося, которое бесцельно выпускает яд. Когда кобра успокаивается, заклинатель дотрагивается до нее, берет в руки ее голову и прикладывает к своему лбу, губам и т. д.

Некоторые полагают, что их просто дурачат, так как у кобры заранее вырывают ядовитые зубы. Однако кое-кто осматривал змей уличных заклинателей и вынужден был констатировать, что ядовитые зубы у кобр на месте и там достаточно яда для нанесения смертоносного удара.

Факиры основывают свои действия на хорошем знании биологии и поведения этих представителей животного мира. Они знают, что яд как оружие дан змеям природой для защиты от врагов и что кобра никогда не нападает, если обстоятельства не вынуждают ее к этому.

Читатель, вероятно, уже утомился от всех этих подробностей. И тем не менее, чтобы окончательно развеять миф о могуществе уличных фокусников, хочется упомянуть еще об одном — о так называемых музыкальных способностях кобры. Существует мнение, что под звуки флейты кобра поднимается из корзины на треть туловища и начинает покачиваться, имитируя своеобразный танец.

Действительно ли кобра музыкальна? Нет, у нее даже нет ушей или какого-либо подобия ушной раковины с барабанной перепонкой. Поэтому звуки для нее недоступны. Правда, у кобры есть очень примитивное внутреннее ухо, которое, как предполагают ученые, воспринимает вибрацию земной поверхности. В доказатель-

ство приводились результаты таких опытов: над клеткой кобры вешали транзисторный приемник, включали его на полную мощность — никакой реакции. Приемник опускали ниже — то же самое. Лишь когда он касался клетки, змея начинала реагировать. Тот же опыт проводился с колокольчиком, с флейтой и другими шумовыми и игровыми инструментами.

Покачивание из стороны в сторону заклинателя, сидящего на корточках и играющего на флейте, приводит кобру в движение. Но факир может получить тот же результат, если будет делать все то же самое, но не играть на флейте. Кобра тоже начнет «танцевать».

Вот и все «тайны» заклинателей змей, о которых говорится еще в таком древнем эпосе, как «Махавамса». В частности, там рассказывается, как в правление Гаджабаху II (1132—1153) принц Паракрамабаху с целью следить за королем послал своих людей в Полоннаруву, которые выступали там под видом укротителей змей.

В ланкийских легендах, поверьях и традициях кобра, или очковая змея, занимает особое место по сравнению с другими представителями рептилий. Чем вызван такой интерес, такое почтение к этому пресмыкающемуся?

Естественно, «виновата» сама кобра, одно упоминание о которой леденит человеческую душу. Ее необычная поза с частично приподнятым телом и вытянутой головой, ее отличительная раскраска и особые знаки («очки»), ее угрожающее шипение и очень ядовитые укусы, часто смертельные для людей, — все это заслужило ей славу королевы змей.

Все эти качества поражали воображение древних обитателей острова Цейлон, в частности людей племени нага, которые считали кобру посланником иного мира, представителем какой-то сверхъестественной силы, а потому и избрали ее предметом своего поклонения, пережитки которого сохранились до наших дней.

СЛЫШУ ГОЛОС ПОЮЩИХ РЫБ

Затянутое с утра тучами небо дождило. И когда мы приехали в Баттикалоа — небольшой городок на восточном побережье Цейлона, менеджер отеля сказал нам,

что таинственное пение рыб в такую погоду не слышно. Оказывается, «подводные артисты» очень капризны. Они выступают с «концертом» только в полнолуние.

Целый день мы ехали, пересекая остров, с западного побережья на восточное ради этого феномена. И вот такое разочарование. Усталые, убитые этой новостью, мы собирались уже было лечь спать, когда пришел шофер и предложил нам поехать к лагуне, где поют рыбы. Поющие рыбы! Может быть, это местные небылицы? Слишком много разных рассказов об этих поющих рыбах.

Пересилив усталость и сон, мы соглашаемся ехать. Подъезжаем к длинному мосту через лагуну. Навстречу нам — рыбак. Лицо его наполовину закрыто белым покрывалом. Остановились. В его посудинке мелкая рыбешка. Наш шофер Ранатунга выступает в роли переводчика. Спрашиваем рыбака, где лучше слышно пение рыб. Он предлагает пройти на середину моста, который кажется нам необыкновенно длинным. А вот в небе высоко, высоко зажгли юпитер — луна полностью высвободилась из объятий темных облаков и, довольная собой, залила ярким светом лагуну, серебром покрыла металлические фермы моста. Подходим к середине моста. Прислушиваемся. И вдруг начинаем улавливать глухое покрякивание, потом слышны более высокие тона... Вновь и вновь из глубины лагуны поднимаются звуки — ясные и чистые. Подходит тот же, теперь уже совсем закутанный белым покрывалом рыбак, похожий на привидение в лунную ночь. Довольно свежо.

Рыбак говорит, что сейчас слышны три тона, а в полнолуние можно услышать и семь тонов, как у фортепьяно. Рыбаку 53 года. Он — тамил, как и большая часть населения Баттикалоа. Прожил здесь всю жизнь. По его словам, это поют не рыбы, а ракушки. Сам он поющих рыб никогда не видел.

Так мы сами соприкоснулись с феноменом Баттикалоа, поставившим в тупик многих ученых, — поющими рыбами.

Существуют разные объяснения этого феномена. Одни утверждают, что это скрипят фермы моста при подъеме воды, другие — будто гудят провода, протянутые от моста через лагуну. Но старожилы опровергают

эти точки зрения, заявляя, что они слышали эти звуки и раньше, до строительства моста. Это нам подтвердил и повстречавшийся рыбац.

Свами Випулананда, известный тамильский поэт из Баттикалоа, предположил, что этот подводный оркестр состоит в основном из прекрасных русалок, хотя ему ни разу не приходилось видеть их. Этим нимфам он посвятил значительную часть своей поэмы «Яр нул». Внимательно слушая «музыку», исходящую из лагуны Баттикалоа, Свами Випулананда записал на магнитофон голоса этого своеобразного оркестра и даже попытался сочинить несколько стихотворных строк, созвучных мелодии. Эти поэтические строки, по его словам, могли бы напеваться очаровательными русалками. Он добавлял, что ему не будет стыдно, если кто-то заявит, что его версия о поющих «сиренах» — всего лишь плод поэтического воображения.

Как же появляются эти звуки в лагуне Баттикалоа? Какая это порода рыб, которая, как предполагают, создает мелодию?

На этот счет есть различные мнения, так как многие уже давно занимались изучением загадки Баттикалоа. Так, индийский ученый, натуралист из Аллахабада, заявил пять столетий назад, что творцами этих музыкальных вариаций являются рыбы. Однако это опровергал цейлонский служащий Джордж М. Фаулер, который считал, что так называемое пение происходит от постукивания ракушек, приходящих в движение во время приливов и отливов.

Плантатор Стенли Грин, который занимался перевозом пассажиров на моторном катере между Баттикалоа и Киттанки, утверждал, что музыка возникает в нескольких точках лагуны. Он показывал эти места. Но дно лагуны там было очень тинистое, что, по его мнению, помешало бы ракушкам передвигаться и издавать звуки. Так предположение о звучащих ракушках было им опровергнуто.

Известный натуралист из Баттикалоа С. В. О. Соманадер также пытался разрешить загадку этой «музыки». Он считает, что источником музыкальных звуков является рыба. Доктор Джозеф Персон, бывший директор музея Коломбо, поддерживает эту точку зрения.

Изучение литературы по этому вопросу все больше

подтверждает гипотезу о рыбах. Однако в своем монументальном научном труде о Цейлоне, изданном в середине прошлого века, Джеймс Теннент пишет: «Звуки, подобные этим, слышны также в некоторых местах на западном побережье Индии, особенно в Бомбейском заливе, и в Калдере (Чили). Музыкальные звуки, считают, исходят из моря и слышны в местах причалов. Они описываются как возникающие и затухающие полные четыре ноты, которые напоминают по тону звуки арфы и, кстати, очень сходны со звуками, издающимися в лагуне Баттикалоа. Животные, которые их производят, неизвестны, и загадка остается неразгаданной. Кто же издает эти мелодичные звуки, слышные на поверхности, — рыбы или моллюски?»

Группа японских экспертов, которая занималась исследованием лагуны Баттикалоа, также подтвердила, что «музыка» исходит от различных рыб, причем аналогичные виды рыб встречаются и в водах Японии.

В 1969 году кинокорпорация с поэтическим названием «Голубая лагуна» из Нью-Йорка и Колумбийская радиовещательная корпорация занимались съемками фильма на берегах Баттикалоа. Звукооператоры очень чувствительным оборудованием записали поющих рыб, а позже мелодия была переложена на ноты опытными музыкантами.

Запись, сделанная в Баттикалоа, была тщательно изучена американскими учеными. Они определили, что полученная запись музыки близко напоминает звуки, издаваемые некоторыми видами жабо-рыб, встречающихся на побережье Южной Калифорнии.

«Американская энциклопедия» и советское издание «Жизнь животных» называют около 50 видов жабо-рыб: 27 из них обитают у берегов Америки, около 15 — у берегов Африки, 3 — у берегов Южной и Юго-Восточной Азии. Все жабо-рыбы отличаются замечательной способностью издавать звуки, похожие на скрежет, хрипкое урчание или гудки. Тихой ночью у Атлантического побережья Америки нередко можно слышать слабые звуки, напоминающие гудки, подаваемые судами в тумане, иногда до двух-трех раз в минуту. Издают их обыкновенная американская жабо-рыба. Их разнообразностью являются рыбы-мичманы рода *Pogichthys*. Эти рыбы, говорится в «Американской энциклопедии»,

имеют бесчисленные, бросающиеся в глаза поры, и иногда их называют «поющими рыбами» из-за своеобразного жужжащего, гудящего звука, который они производят своим плавательным пузырем.

Что это за плавательный пузырь? Известно, что обычно рыбы дышат через жабры. Вода поступает в тело рыбы через рот и, промывая жабры, выходит обратно. При этом кислород, содержащийся в воде, попадает в жабры путем диффузии. Этот метод дыхания эффективен до тех пор, пока есть для рыбы достаточно воды. Но рыбы, живущие в высыхающих лагунах, в любое время могут оказаться в мелких лужицах, и таким образом создается угроза их существованию. В процессе многовековой эволюции эти рыбы развили в себе очень своеобразные новые органы, которые дают им возможность приспособливаться к окружающей среде, — плавательные пузыри. Как показывает название, плавательные пузыри всего лишь мешки, где хранится атмосферный воздух. Когда эти мешки расширяются, кислород, содержащийся в атмосферном воздухе, входит в плавательные пузыри, в то время как углерод, выдыхаемый рыбами, выводится наружу. Так плавательные пузыри служат как бы органом дополнительного дыхания в добавление к обычной форме — через жабры. В момент вхождения воздуха в плавательные пузыри и выхода его и создаются вот эти приятные музыкальные звуки, а сам этот феномен получил название «поющих рыб».

ПОДВОДНОЕ САФАРИ

Голубая лагуна Хиккадувы. Берег опоясан зеленым ожерельем пальм. Их пышные кроны наклонены в сторону океана. Почему-то кокосовые пальмы всегда наклонены к океану. Пригнулись, чтобы противостоять морскому ветру? Вдалеке, прямо передо мной, в бухточке, видны рыбацьи баркасы, а слева, среди бурных волн прилива, возвышаются скалы и огромные валуны. Там, около скал, начинаются известные в Шри Ланке коралловые сады — сказочное подводное царство. Там я собираюсь сегодня побывать. Расстояние не больше мили от берега. Этот путь можно преодолеть и вплавь, но

океан не спокоен, и я договорился с двумя рыбаками, чтобы они доставили меня к коралловым садам на катамаране. Прикрепленное сбоку к лодке при помощи перекладины заостренное бревно-противовес, так необходимое в воде для сохранения устойчивости, на суше делает катамаран очень громоздким сооружением, на воду его спускать трудно.

Корпус этой выдолбленной из куска цельного дерева лодки настолько узок, что невозможно просунуть туда обе ноги. Если вы изловчитесь сесть на поперечную перекладину в лодке, то одна нога у вас обязательно будет за бортом... для баланса.

Но вот наши усилия под общую команду «и-раз» на сингальском и русском языках увенчались успехом. Мы мерно покачиваемся на волнах, предохраняя от падения в воду нехитрое снаряжение для подводного плавания, закрывая голову и плечи от лучей немилосердного тропического солнца. Вооруженные каждый небольшим веслом, рыбаки умело ведут свое суденышко среди волн морской стихии. Причем обязанности у них распределены так: тот, кто в центре, усиленно гребет, второй, на корме, лишь подгребает, одновременно управляя ходом этого хитрого сооружения из дерева. Попадаем в полосу сильного ветра. Катамаран легко ныряет в волнах, причем его высокие борта, сужающиеся в верхней части, не позволяют волнам захлестывать его. Наконец мы достигли гряды рифов: за ними спокойнее. Бросаем якорь, и я готовлюсь к подводной прогулке, небезопасной среди острых, колючих кораллов, порезы от которых долго не заживают.

Удалившись на несколько метров в сторону от катамарана, плыву под водой навстречу диснеевской фантазии. Необычность всего увиденного волнует и тревожит. Потом, привыкнув к новому, окружающему меня миру, начинаю знакомиться с его обитателями. Вот плывет стайка разноцветных рыбешек, которая при встрече со мной моментально юркнула в грот. Теперь выплывает какая-то плоская, как блюдце, рыбина в светло-желтом оперении. «Фотографируйте меня, я ведь вам позирую», — говорил весь ее вид, она особенно выделялась на фоне красноватых кораллов, разросшихся в виде холмов-муравейников на морском дне. Несколько движений ластами, и я уже у непроходимой коралловой

чащобы, где спокойно плавают самые роскошные представители тропической фауны: желто-оранжевые с синими полосами рыбы-хирурги, золотистой окраски стаи рыб-бабочек, пестрые рыбы-сержанты и совсем мелкие, оранжевые, с черными пятнами рыбы-клоуны. Они не пугливы и не кидаются прочь при встрече с незнакомцем, только рукой дотронуться до себя не позволяют и ментально исчезают в бесчисленных ходах и выходах коралловых садов.

Плыву дальше. Вот впадина, здесь разводы темной воды, образующей как бы отдельный водоем. Кораллы растут большими кустами, вокруг которых мельтешат стаи мелких рыбешек.

Глубина еще больше. Спокойно плавают крупные полосатые рыбы, тут и там кораллы в виде огромных кактусов. Немного не по себе, ибо я слышал, что вчера здесь видели акулу. А потом эти рассказы об электрических скатах, морских змеях, жабо-рыбах и других подводных страшилищах. Фантастические картины подводного царства сменяются одна другой. И как в волшебной сказке, ты не можешь оторваться от этого зрелища, зачарованный его неповторимой красотой.

А вот и гряда рифов — естественный барьер на пути океанских волн. Не будь этой преграды, песчаные пляжи Шри Ланки были бы давно и полностью размыты.

Как образуются коралловые рифы? По этому вопросу ученые до сих пор не имеют единого мнения. Однако все сходятся на том, что под термином «кораллы» надо понимать животных с известковым скелетом и известковые водоросли, которые, тесно переплетаясь друг с другом, образуют рифы. Но это лишь схематично. В Большой Советской Энциклопедии дается более точное определение: коралловые рифы — это результат деятельности колониальных коралловых полипов и других рифообразующих организмов, способных извлекать известь из морской воды. Они могут развиваться у побережья, и такие рифы называют окаймляющими или береговыми рифами. Иногда же они тянутся параллельно берегу на расстоянии 300—500 метров от него и образуют те самые голубые лагуны, о которых поется в песнях, а цветные фото их часто мелькают на страницах модных журналов. Такие рифы создают защитную сте-

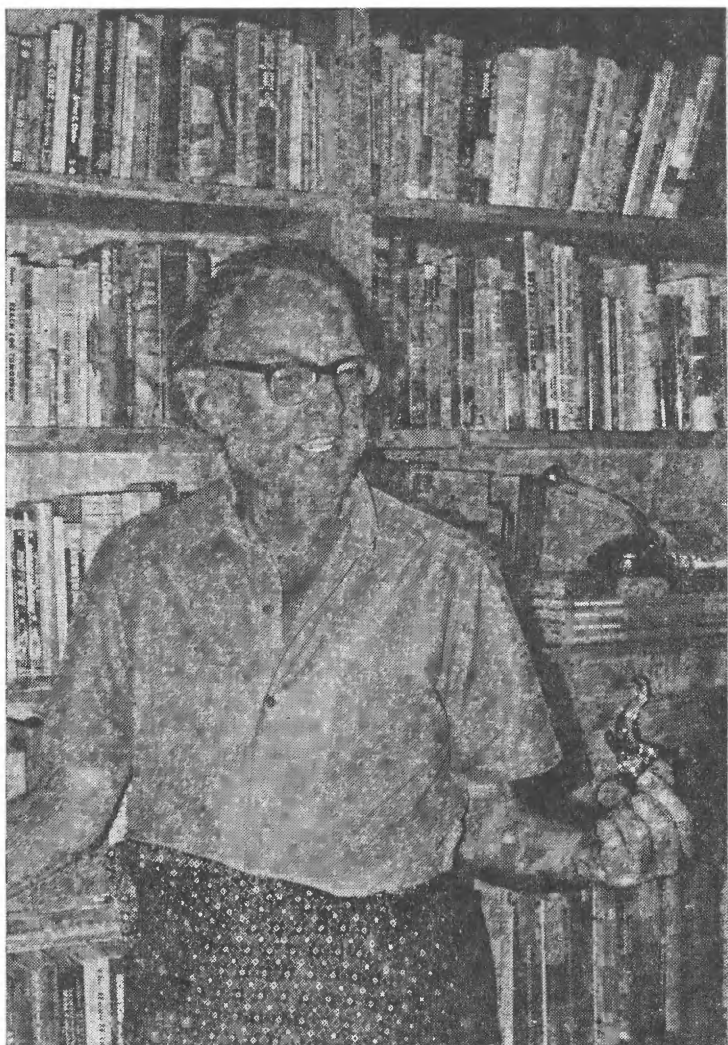
ну между открытым морем и берегом и называются барьерными.

Барьерные рифы — это не только преграда, но и естественная граница, где начинается совершенно иная океанская фауна, где непугаными стаями ходит тунец и другая рыба, которой изобилует эта часть Индийского океана.

Перебираясь через рифы, я зацепился за кораллы и сильно расцарапал ногу. От соленой воды рану начало щипать. Но я поплыл дальше, восхищаясь прозрачностью воды, ее голубыми и бирюзовыми переливами под лучами ослепительного солнца, ее темно-синей тягучей массой на больших глубинах. Со скоростью торпедного катера мимо меня промчалась огромная рыба. Это, вероятно, акула. И еще раз, ближе. Теперь я рассмотрел ее тупую морду и полосатый бок. Металлический крюк, который был у меня в руке, вряд ли мог быть эффективным оружием самозащиты. И хотя считают, что акулы у ланкийских берегов почти не нападают на человека ввиду обилия рыбы, я предпочел поскорее убраться вновь за спасительную гряду рифов.

Ланкийские рыбаки на катамаране были немало удивлены, увидев, что я возвращаюсь без ракушек и кораллов. Они привыкли к тому, что все туристы считают своим долгом захватить с собой что-то на память как доказательство их соприкосновения с этой сказочной подводной страной. Для меня же самым лучшим подарком было зрелище этого пестрого и причудливого подводного мира в Индийском океане, которое запомнится на всю жизнь.

...От своих ланкийских друзей я узнал, что в Коломбо существует клуб подводного плавания, президентом которого состоит ученый и писатель-фантаст Артур Кларк. С этого момента интерес к творчеству известного английского писателя и к его деятельности у меня возрос вдвойне. Мне хотелось встретиться с ним, но такого случая не представлялось. И вот, путешествуя как-то по юго-восточной части острова, в районе Яла-Катарагама, я решил свернуть с общепринятого туристского маршрута и посетить маленький рыбацкий поселок Киринду, который приютился у огромных валунов на берегу океана, милях в десяти от Тиссамахарамы. Ничем он вроде не примечателен, но меня сюда тянуло,

Остров Шри Ланка стал второй родиной
для английского ученого и писателя-фантаста Артура Кларка

потому что здесь началась подводная одиссея Артура Кларка, астрофизика, океанографа и натуралиста, одного из знатоков флоры и фауны Индийского океана, горячего защитника богатейшего подводного мира Шри Ланки от загрязнения и разрушения.

Один из последних путеводителей по Шри Ланке его составители посвятили знаменитому писателю. В качестве эпиграфа авторы приводят слова Артура Кларка: «Я прибыл на Цейлон в 1956 году, намереваясь пробыть здесь шесть месяцев и написать книгу об исследованиях прибрежного подводного мира. Прошло четырнадцать лет, уже вышло в свет двадцать моих книг, а я все еще здесь и надеюсь остаться тут до конца моих дней».

Итак, все началось с Киринды. Отсюда восемнадцать лет назад группа энтузиастов-подводников во главе с Артуром Кларком начала плавание к дальним рифам: Грейт Бэсиз и Литл Бэсиз. Еще во времена Ост-Индской компании, когда маяков не было, корабли с товарами из Индии иногда погибали, попадая на рифы и скалы, коварно поджидающие свои жертвы. Теперь на опасных рифах стоят маяки, а останки затонувших судов лежат уже века где-то поблизости под слоем ила и песка. Здесь и начала свои подводные съемки экспедиция Кларка. Встречи с тигровыми акулами, муренами, барракудами, фантастические краски подводного мира — все это стало содержанием фильма и книги писателя. Интересным материалом для книги Кларка «Сокровище Большого рифа» послужили находка и исследование «серебряного» корабля, затонувшего у рифов в начале XVIII века. Извлечение этих сокровищ, часть которых передана в музеи США и Шри Ланки, было не менее опасным предприятием, чем натурные съемки акул под водой. Как свидетельствуют участники экспедиции, в районе рифов почти круглый год сильное волнение, поэтому операцию смогли провести лишь опытные подводные пловцы из кларковской группы.

...Подхожу к конторе, в ведении которой находятся два маяка.

— Могу ли я попасть на маяк?

— Для этого надо разрешение из Коломбо.

— Как часто ходит туда катер?

— Два раза в неделю. Происходит смена вахтен-

ных, доставляется продовольствие. На катере до первого маяка надо идти около двух часов.

Хочу поговорить с кем-нибудь из старожилов. Подзывают одного из служащих. Спрашиваю, помнит ли он группу иностранцев, которая ходила на катере «Киринда» к рифам, снимала под водой фильм. Да, он что-то припоминает. Говорит, что, кажется, с ними был и английский писатель Артур Кларк. Но о затонувшем корабле и найденных сокровищах он ничего не знает.

Тогда я решил, что проще поговорить с самим Кларком, который живет в Коломбо, чем мотаться по утомительным дорогам острова.

И вот назначена встреча. Дом писателя стоит в аристократическом пригороде ланкийской столицы. Навстречу мне выходит Артур Кларк. Высокого роста, сухопарый. Узкое лицо, очки, бакенбарды, длинный нос — он очень похож на капитана Кука. Курит трубку. Одет по-домашнему: рубашка и саронг. В кабинете кругом на стеллажах книги. Телескоп. Электронно-вычислительная машина. И опять книги: переводы его книг на иностранные языки, в том числе на русский. Помните «Лунную пыль»? В этой повести писатель-фантаст отдает должное огромному вкладу Советской страны в освоение человечеством космических далей. Недаром на одной из полок в кабинете Кларка стоит модель советского спутника Земли.

— В ваших романах и повестях, — говорю я, — много внимания уделено небывалому развитию науки и техники и ничего не сказано об эволюции общества. Современное капиталистическое общество перенесено в завтра, в 2001 год, со всеми его недостатками и пороками: погоней за наживой, конкуренцией.

— Для меня важнее было показать дальнейшее колоссальное развитие науки и техники. Мне хотелось заглянуть в завтрашний день технической революции. Что же касается общества и людей, его представляющих, то я взял их такими, какие они есть, ибо в моих книгах они — не главное.

Пожалуй, в этом ответе виден Артур Кларк как ученый, может быть, и технократ, и прагматик нашего бурного века научно-технической революции. Но верно то, что критики, оценивая творчество А. Кларка, называют его выдающимся писателем-фантастом наших дней.

Здесь нелишне рассказать вкратце биографию писателя. Артур Кларк родился в английском городке Майнхед в 1917 году. Учился на отделении математики и физики Лондонского королевского колледжа. Очень увлекался радио. В начале войны призван в английские ВВС, где участвует в исследованиях по созданию радарных систем. За десять лет до запуска первых спутников Кларк изложил свои взгляды на возможное использование будущих спутников Земли для радио- и телевизионных передач. Отсюда, вероятно, началось его увлечение космосом. Как видный ученый, он избирается в 1950 году председателем Британского общества астронавтов. Тогда же начал писать научно-фантастические рассказы. Космос и глубины океана становятся ареной, где действуют герои Кларка. Позже «английский Жюль Верн» приезжает на Цейлон, где навсегда и поселяется, очарованный островом и богатейшим подводным миром Индийского океана. Об этом он написал несколько интересных книг.

— Ланкийская пресса много пишет о том, что своими книгами о подводном мире вокруг острова вы привлекаете сюда массу туристов, — говорю я.

— В океанских водах вокруг Шри Ланки самые красивые в мире тропические рыбы, — заявляет Артур Кларк. — Об этом я много писал, и это, естественно, привлекает любителей подводного мира. И подводных приключений. Географическое положение Цейлона на великих морских путях на протяжении веков делало его прибежищем для кораблей, а барьерные рифы бывали причиной их гибели. Сотни затонувших кораблей уже поросли кораллами и погребены навсегда, но многие могут еще быть обследованы подводными энтузиастами. Это тоже заманчивая перспектива для туристов.

Кларк обеспокоен тем, что слишком много людей выламывают кораллы и после обработки продают их в качестве сувениров туристам. Это может оказаться губительным для растительного и животного мира прибрежных вод.

Существует и еще одна угроза — морская звезда, которую называют «короной из колючек». Целыми армадами эти звезды заплывают в прибрежные воды, оставляя после себя лишь мертвые известковые глыбы и зияющие пустоты в полосе рифов.

Улица в Коломбо

«Когда я впервые погружался в подводное царство Цейлона в 1956 году, — пишет Артур Кларк в своей статье для местной газеты „Таймс оф Цейлон“, — лагуны на юго-запад от острова были полны кораллов, обжитых мириадами рыб. Сейчас многие районы превращены в подводную серую пустыню. Кораллы погибли, и морское дно покрыто их обломками».

— Изумительные по красоте рыбы, — продолжает Кларк, — когда-то обитавшие в прибрежных водах Цейлона, по пестроте и яркости окраски не уступавшие бабочкам, во многих местах исчезли, остались лишь колючие морские ежи.

По мнению английского писателя, необходимо начать широкую общественную кампанию за принятие мер по восстановлению экологического баланса ланкийских вод.

Наша беседа с Артуром Кларком заканчивается. Прощаясь, он дарит свою последнюю книгу с автографом и приглашает вступить в клуб «подводного сафари». По его словам, чем больше людей будет знать и ценить богатства прибрежных вод, тем больше шансов на сохранение бесконечного многообразия океанской фауны.

...И еще одна встреча состоялась с Артуром Кларком, правда, при совершенно иных обстоятельствах. В порт Коломбо после многомесячного плавания пришло советское океанографическое судно «Дмитрий Менделеев». Начальник экспедиции и капитан корабля пригласили в гости местных журналистов. Почетным гостем на встречу с океанографами был приглашен Артур Кларк. Элегантный, средних лет капитан Михаил Васильевич Соболевский показал нам судно, оснащенное по последнему слову техники для проведения научно-исследовательских работ в океане. Академик Леонид Максимович Бреховских рассказал о проведенных на корабле научных исследованиях.

— Индийский океан, — говорит он, — так же мало исследован, как и Луна, и значительно менее изучен, чем другие голубые континенты. В настоящее время советские специалисты заняты изучением проблемы определения по цвету воды океанской фауны — от планктона до рыбных стай.

— Это тем более важно в отношении Индийского океана, — подчеркивает значение этого поиска Артур

Кларк. — Ведь он один может прокормить все человечество.

Всеобщее оживление вызвало прослушивание магнитофонных лент, на которых были записаны голоса обитателей подводного мира. До недавнего времени считалось, что глубины океанов безмолвны, а теперь биологи и ихтиологи могут по записям на пленке определить голоса различных рыб и морских животных.

— Это дельфины разговоры, — определяет Артур Кларк. — А это царица рыб — акула.

Кларк поясняет собравшимся, что он также ведет записи голосов всего живого в царстве Нептуна. Затем писатель рассказывает о своей многолетней работе по изучению океанской среды, разъясняет советским ученым выдвинутые им гипотезы. В заключение Кларк поделился последними впечатлениями от подводного мира у Виргинских островов, где он чуть не утонул...

— Океан, как и космос, — подчеркнул Кларк, — требует все новых жертв и добровольно не хочет раскрывать свои тайны.

В ОКЕАНЕ ЗАЖГЛИСЬ ОГОНЬКИ...

— Так вы едете в Матару? — спросили меня ланкийские друзья. — Это наш Ленинград: район Матары — колыбель коммунистического движения в Шри Ланке. Именно там в начале 30-х годов молодой, только что вернувшийся из Англии доктор С. А. Викремасингхе начал пропаганду идей социализма. Там же зародились профсоюзные и молодежные организации, а Викремасингхе как независимый социалист еще в 1931 году был избран в парламент Цейлона, в то время английской колонии.

В Матаре в сентябре 1950 года проходил IV съезд Коммунистической партии Цейлона, сыгравший важную роль в развитии прогрессивного движения в стране. С докладом на съезде выступил ветеран рабочего движения Питер Кейнеман, генеральный секретарь компартии, ныне министр в правительстве Объединенного фронта. Съезд призвал сплотить все патриотические силы в единый фронт для завершения антиимпериалистической борьбы. Призыв к созданию такого фронта встре-

тил горячую поддержку рядовых коммунистов. Выборы 1970 года наглядно продемонстрировали успех этого фронта.

И вновь в Матаре в августе прошлого года собрался IX съезд компартии Шри Ланки, на котором идеи укрепления единства всех прогрессивных сил нашли новое теоретическое обоснование, зафиксированное в программе партии.

Матара находится в 160 километрах от Коломбо, почти на самом юге острова. Это три часа езды по шоссе, тянущемуся вдоль побережья. Всюду пальмы, верхушки которых опутаны веревками. По таким канатным «дорогам», словно цирковые акробаты, путешествуют сельские жители, собирая сок кокосовой пальмы для изготовления тодди — легко опьяняющего напитка, из которого путем перегонки можно получить пальмовую водку.

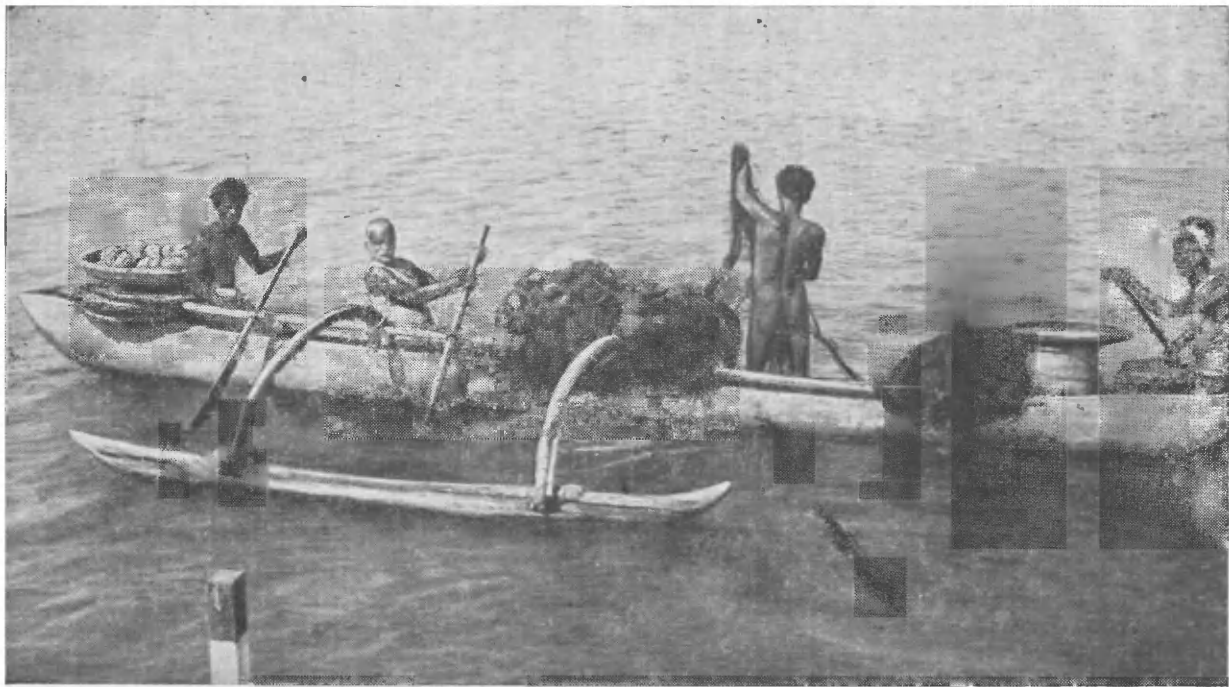
Мы в гостях у председателя Коммунистической партии Шри Ланки Сугисвара Абейвардена Викремасингхе, старейшего депутата парламента. Около дома много людей. Они с нетерпением ждут хозяина. У каждого свое дело, своя просьба.

— Иногда до ста посетителей в день приходит, — говорит его секретарь Абьявикрема. — Большинство просит помочь устроиться на работу. По привычке приходят и старые пациенты доктора Викремасингхе, хотя он уже много лет не практикует. Это люди преклонного возраста, им важно услышать хотя бы несколько теплых слов от лечившего их когда-то врача. Для них это лучшее лекарство.

Викремасингхе принимает всех, никому не отказывает, как бы он ни устал от партийных дел. Видимо, контакт с близкими ему людьми и родной землей прибавляет ему силы. Здесь его отдых, здесь он черпает энергию для новой напряженной работы. Он настолько активен и деятелен, что трудно поверить в его 75 лет.

В комнате вместе с лидером компартии находится другой член парламента — коммунист, известный адвокат Матары А. Наньяккара. Разговор, естественно, заходит о проблемах, с которыми сталкивается молодая республика, о работе местных коммунистов, о жизни населения.

В этом районе земля хорошая, плодородная. Выпа-

На катамаране — перед выходом в море

дает много дождей. Основные площади заняты под рисом и чайными плантациями. Главная из проблем — борьба с наводнениями, которая осложняется постоянными конфликтами между плантаторами и крестьянами. У многих крестьян в низинах есть небольшие кусочки земли под рисовыми полями. Но в период дождей они затопляются водой. Чтобы избежать наводнения, воду в горах надо задерживать и направлять в каналы и реки. А плантаторы не разрешают строить запруды на своих землях, расположенных по склонам гор. Больше того, через сеть ручьев и протоков они спускают воду на рисовые поля крестьян, чтобы рабочие их чайных плантаций смогли заняться обработкой кустов и сбором чайного листа. Отсюда и возникают конфликты.

Местные коммунисты выступают за интересы трудового крестьянства, требуют от государства принятия мер по защите рисовых полей от наводнений, созданию водохранилищ, которые, по мнению коммунистов, явились бы не только средством борьбы с наводнениями, но и могли бы решить проблему электрификации округа. Кое-что в этом плане удалось сделать.

Одна из важных задач коммунистов заключается в том, чтобы усилить свое влияние в сельских советах, в общественных организациях, связанных с развитием сельского хозяйства. Это позволит им более эффективно выступать против полуфеодальных отношений в деревне, которые тормозят развитие района, да и страны в целом.

В области сельского хозяйства перед коммунистами стоят две проблемы: расширить возможности использования малопригодных земель и активизировать деятельность по предотвращению наводнений. Ну а в масштабах всей страны перед сельскими тружениками стоит одна задача — более интенсивное развитие сельского хозяйства. Ключом к этому являются ирригация, электрификация, внедрение сельскохозяйственной техники.

Не менее актуальна и проблема безработицы, особенно среди молодежи.

— У нас, — говорит Наньяккара, — есть своя четкая программа решения этого вопроса: надо на сырьевой базе нашего района развивать местную промышленность, чтобы обеспечить занятость населения. И еще: поскольку больший процент безработных падает на мо-

лодежь, необходимо, чтобы после окончания школы молодые люди получали какую-то квалификацию, имели бы трудовые навыки. Кое-что мы сделали в этом плане в рыбной промышленности округа, но этого мало.

Работы в самом деле непочатый край. Но решение проблем зависит не только от желания и умения коммунистов, даже если они обладают определенной властью. Члены других партий часто придерживаются иных мнений. А в местном муниципалитете, например, из семи мест коммунисты располагают лишь тремя.

Коммунистическая организация Матары состоит в основном из представителей средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, крестьян, неквалифицированных рабочих. Есть в рядах партийной организации и буддийские монахи. Однако нет пролетарской прослойки, так как нет заводов и фабрик. Это минус.

— Но мы работаем. Конечно, хвастаться нехорошо, — продолжает Наньяккара, — но у нас о Советском Союзе знают, пожалуй, больше, чем в других районах страны. Кстати, я недавно вернулся из Советского Союза. Общество ланкийско-советской дружбы давно предлагало мне, как президенту его отделения в Матаре, поехать в СССР. Но я отказывался. Мне все хотелось послать к вам побольше «неверующих», тех, кто с предубеждением относится к социализму. Ну а теперь я решил тоже съездить. И знаете, что меня больше всего поразило? Нет, не успехи и достижения СССР — об этом я много читал и знал, — а советские люди, их героизм и верность своему долгу. Когда я был у могил на Пискаревском кладбище, я плакал... Нам, жителям Шри Ланки, трудно даже представить себе, какие испытания выпали на долю ленинградцев.

...Друзья предложили познакомиться с одним из сельскохозяйственных кооперативов в районе Матары, где работает немало коммунистов. Кооперирование в Шри Ланке сейчас принимает все более широкий размах. Для решения проблемы занятости молодежи правительство создает государственные фермы, которые подчас возникают на пустошах или на расчищенных от джунглей местах. В то же время идет процесс создания кооперативных хозяйств. Он проходит нелегко, так как крестьяне до сих пор с недоверием относятся к новшествам. Переубедить их можно только примером.

А примеров пока мало. Недавно в одном из близлежащих сел был создан кооператив, но крестьяне не захотели в нем работать. Тогда государственные чиновники набрали в кооператив людей из другого округа. Местные крестьяне испугались, что земли их района начинают осваивать чужеземцы, и сожгли все кооперативные постройки. Кооператив пришлось распустить. Конечно, тут не обошлось и без агитации со стороны местных богатеев...

Едем в округ Камбурупития, где в пятнадцати километрах от Матары создана кооперативная ферма. На холмах вырубает деревья, чтобы очистить место для плантаций. Пока работа осуществляется с помощью правительства. Впоследствии вся земля и имущество будут переданы кооперативу. Кооператив организован лишь два года назад. Сейчас в нем обрабатывается 240 акров земли, из них 14 акров находятся под банановыми плантациями, остальная часть площади занята ананасами, перцем, рисом, другими культурами.

Пояснения дает служащий земельного департамента, прикрепленный к кооперативу, Т. С. Патин. Он рассказывает, что на кооперативной ферме трудится в основном молодежь из окружающих деревень. Конечно, пока хозяйство бедное, примитивное. Работающим на полях выплачивается две с половиной рупии в день и предоставляется бесплатно завтрак. Некоторые из юношей — те, кто из отдаленных районов, — живут здесь, при ферме, по очереди готовят обед. Деньги, вырученные от продажи готовой продукции, откладываются на счет кооператива в банке, а в конце года доходы распределяются среди членов кооператива.

— Само собой разумеется, — продолжает Патин, — кооператив только становится на ноги и без государственных субсидий вряд ли сможет существовать.

— Ну, а когда хозяйство станет самокупаемым?

— Приезжайте годика через три. Думаем, что мы добьемся к тому времени ощутимых результатов.

Да, много еще усилий надо приложить труженикам кооператива, чтобы их пример мог воодушевить других. Уже поздно вечером мы покидали Матару. Как маленькие звездочки, в густых сумерках где-то далеко в океане зажглись огоньки — это рыбаки вышли на катамаранах на ночной лов.

Деревня Алавва находится примерно в 65 километрах от Коломбо. Собственно, это не деревня в нашем понимании — с широкой улицей и двумя рядами домов по сторонам. Алавва — разбросанные тут и там среди высоких кокосовых пальм маленькие глиняные домики, покрытые пальмовыми листьями.

Под ослепительными лучами солнца серебром отливают зеленая листва деревьев, щурятся домики и редко попадающиеся люди — как будто все это освещено мощным светом юпитеров во время киносъемок. Резкий контраст света и тени в полдень обрекает на неуспех все ваши попытки воспользоваться фотоаппаратом: снимок будет в черном и белом тонах, без переходов, а в итоге — невыразительный.

Выходим из машины, укрываясь от солнца. Направляемся к крайней хижине. Навстречу идет худенькая пожилая женщина-сингалка. С помощью моих ланкийских друзей завязывается разговор. Наша собеседница — хозяйка этого дома, вдова. Муж во время сбора кокосовых орехов упал с высокой пальмы и расшибся насмерть. Сын ушел в город на заработки, да так и пропал, не подает о себе вестей, и неизвестно, что с ним. Старшая дочь кончила десять классов школы, живет в деревне, помогает по дому. Немного зарабатывает. Каким образом? Делает сигареты «биди», самые дешевые и потому самые популярные среди рабочих Шри Ланки и Индии. Сырьем ее снабжают регулярно посещающие деревню представители табачной компании. Они же забирают готовую продукцию. Конечно, оплата сделанная: три с половиной рупии за тысячу сигарет. Поскольку на плечах девушки и заботы по дому, то она успевает свернуть лишь пятьсот-шестьсот штук в день. Земли у них своей нет. Вся земля в округе принадлежит помещику.

Просим хозяйку показать дом: глиняные стены, глиняный пол. На топчане за перегородкой девочка лет пяти. Видимо, неуютно бывает жителям этой хижины в период муссонных дождей, когда холодный дождь льет днем и ночью. Около дома на доске разложены нарубленные кусками плоды хлебного дерева.

— Это мы сварим на обед, — застенчиво поясняет хозяйка. В их деревне из-за недоедания и авитаминоза

много разных болезней. Ее дочь страдает глаукомой. Потом она выносит из дома и показывает нам какие-то талоны.

— Это карточки, — поясняют мне друзья, — на бесплатное получение двух фунтов риса в неделю на каждого члена семьи независимо от возраста. Подобная помощь правительства очень существенна для бедняков.

В этой деревушке есть своя школа. Каменные стены здания поднимаются лишь на метр от земли, как у веранды, а дальше на столбах покоится красная черепичная крыша, предохраняющая от дождей и палящих лучей солнца. Такая конструкция помогает циркуляции воздуха. Поскольку школы чаще всего строятся на возвышенной части местности, то циркуляция свежего воздуха и тень создают более или менее терпимую атмосферу для занятий в условиях тропиков.

В деревенском школьном помещении всего одна комната, хотя в нем занимаются три преподавателя с тремя небольшими группами учащихся. В более крупных деревнях бывает по два-три таких класса.

Так выглядит обычная начальная школа в сингальской деревне. Надо отметить, что образование в Шри Ланке на всех ступенях бесплатное и подавляющее большинство детей ходит в школу. Значительный процент их получает полное среднее образование.

...Мы едем по живописной кандийской дороге. По сторонам — плантация кокосовых пальм. Пальма — важная сельскохозяйственная культура. Такие продукты пальмы, как кокосовое масло или копра, идут на экспорт и являются важной статьёй поступления иностранной валюты для государства. На пригорке за банановыми рощами показывается красивая вилла. Сворачиваем с шоссе и подъезжаем к главному подъезду. Здесь живет землевладелец, который пригласил нас в гости. Мои друзья-ланкийцы говорят, что он более прогрессивных взглядов, чем тот, во владениях которого мы только что побывали. Его семья хорошо относится к Советскому Союзу. Вот почему нам интересно побеседовать с ним.

Хозяин, хозяйка и две их дочери встречают нас с традиционными гирляндами цветов, потом приглашают в дом. Усаживаемся в удобные кресла у маленьких столиков. В Шри Ланке первое, что предлагают гос-

тью, — это прохладительный напиток: чаще всего таким утоляющим жажду напитком оказывается молоко кокосового ореха, похожее по вкусу на березовый сок.

Хозяин рассказывает о себе. У него много земли, занятой под кокосовыми и каучуковыми плантациями и рисовыми полями. В самой усадьбе большая плантация ананасов, которую мы позже осмотрели. Есть свой автомобиль. Однако во время беседы он много говорит об экономических трудностях, которые стоят перед Шри Ланкой. В целом положительно относится к земельной реформе, проводимой в стране по инициативе правительства Объединенного фронта.

Во время обеда подаются блюда, приготовленные из овощей и фруктов, выращиваемых на ферме. К чаю подается торт, приготовленный дочерьми хозяина. Всего у помещика трое детей. Сын — служащий гражданского воздушного флота. Дочери в возрасте 20 и 17 лет. Кончили 9 и 10 классов средней школы, специальности никакой нет.

— Обе на выданье, — поясняет отец, — готовятся выйти замуж, изучают кулинарию, домоводство. Приход гостей — для них своеобразный практический экзамен.

Старшая дочь показывает нам альбом с фотографиями свадебных и праздничных тортов, которые она готовила для своих подруг по разным поводам.

— Ждут «принца, который должен прийти», — говорит отец. — Хотели выдать замуж старшую дочь в прошлом году, но гороскоп был неблагоприятным. Пришлось отложить свадьбу. В соответствии с сингальскими традициями жених или его родители внимательно знакомятся с гороскопом невесты, и свадьба назначается лишь в том случае, если гороскопы совпадают. Гороскоп астролога — путеводитель во всех случаях жизни в Шри Ланке. К примеру, бывший премьер-министр Д. Сенанаяке назначил в тысяча девятьсот семидесятом году выборы и распустил парламент лишь после консультации с астрологами.

— Но, как мы смогли убедиться, партии, потерявшей доверие масс, бессильны помочь даже астрологи, — говорит сопровождавший нас в поездке активист Лиги дружбы «Шри Ланка — Советский Союз» доктор Сенавиратне. — Это, конечно, шутка, но верования и традиции в нашей стране подчас оказывают большое влия-

На плантациях бананов и ананасов
хорошо растет и сладкий картофель — батат

ние на политическую жизнь. А проблема «принца, который должен прийти», не такая уж простая... Хорошо, что вот эти девушки, дочери помещика, могут ждать «принца» и год и два, а как быть той бедной деревенской девушке, с которой мы познакомились утром? Кого ей ждать и на кого надеяться? Проблема заключается в том, что молодежь, получающая среднее и высшее образование, не может найти работу. Четыреста тысяч молодых людей ежегодно заканчивают средние школы. а работу в государственных учреждениях могут получить тысяча или две. А остальным что делать? «Принц» этот должен прийти в образе коренных социально-экономических мероприятий.

Правительство Объединенного фронта делает немало в этом направлении, но груз колониального прошлого и недостаток средств не позволяют быстро решить проблему безработицы, принявшей на острове катастрофические размеры.

Решать этот вопрос можно не только путем развития местной промышленности и за счет этого создания новых рабочих мест. Но и, может быть, путем проведения аграрных преобразований, то есть перераспределения земли и скорейшей передачи ее тем, кто ее обрабатывает.

Как показывают статистические данные, до начала аграрных реформ, в 1972 году, пять с лишним тысяч местных и иностранных земельных собственников владели 1,2 миллиона акров, т. е. четвертью всех обрабатываемых площадей. В то же время сотни тысяч крестьянских семей имели лишь клочки земли размером менее акра.

Реформа устанавливала размер земельного надела, который может находиться в собственности одной семьи, в 25 акров для земель под рисом или в 50 акров — под другими культурами. Однако она не затрагивала крупного плантационного хозяйства. 14 октября 1975 года парламентом был принят закон о национализации всех частнокапиталистических плантаций. Так начался второй этап земельной реформы. Под контроль государства перешло 396 плантаций на западе и юге острова, в том числе 191, принадлежавшая иностранным компаниям. В общей сложности под контроль государства перешло свыше 900 тысяч акров земли.

Мероприятия правительства были встречены с большим одобрением. Наделение крестьян землей, образование государственных ферм и кооперативов открывают большие возможности для обеспечения занятости населения, создания в стране многоотраслевого сельского хозяйства...

— Конечно, — говорит в заключение Сеневиранте, — капиталисты и помещики без особого энтузиазма встретили реформу. Однако на сей раз правительство не почиталось с мнением землевладельцев, и теперь никакая сила не в состоянии задержать начавшийся процесс наделения землей бедных крестьян. Для девушки из деревни Алава и ее матери это будет лучшим подарком долгожданного «принца».

...Я с радостью принял предложение своих ланкийских друзей посетить одну из государственных ферм в шестидесяти километрах от Коломбо, так как этим фермам отводится важная роль в развитии сельского хозяйства.

Ферма имеет 350 акров земли, из которых 20 отведено под овощи. Остальная часть — под плантациями ананасов, пассифлоры, манго, цитрусовых. На ферме 60 коров, 1500 голов птицы.

— Государственные фермы, — рассказывает ее директор Т. Б. Херат, — начали создаваться еще в 30-е годы. Сейчас в Шри Ланке 82 земледельческие и 30 животноводческих ферм. Однако часть из них приносит убытки и поэтому получает дотацию от государства. Так, наша ферма из-за неблагоприятных погодных условий в прошлом году потерпела убытка на 10 тысяч рупий. Но главной причиной нерентабельности подобных ферм являются низкие государственные закупочные цены и более высокая, чем в частном секторе, оплата труда. Частные фермы обычно специализируются на одной какой-либо культуре, кроме того, они нещадно эксплуатируют труд сельскохозяйственных рабочих, чего, конечно, не может допустить государственная ферма.

На ферме всего 250 рабочих. Большая часть их получает плату до 200 рупий в месяц. Привлекаются и временные рабочие. Административный аппарат составляет восемь человек вместе с директором.

— В настоящее время, — продолжает господин Хе-

рат, — мы планируем окончательно ликвидировать убытки, которые уже из года в год уменьшаются.

При ферме организована одногодичная сельскохозяйственная школа, здесь обучаются 50 человек. Учащиеся помогают выполнять одну из важных задач, стоящих перед фермой, — занимаются производством сортовых семян.

— Конечно, — говорит директор фермы, — есть еще одна причина нашего убыточного хозяйствования, которую я еще не назвал, — нехватка сельскохозяйственных машин. На ферме всего три трактора.

Я побывал на плантациях, обошел все хозяйство, посмотрел школу. Многое мне понравилось: и бескрайнее море ананасовых плантаций, и ухоженный скот, и породистые индюки и куры. Во всем чувствовалась забота о делах фермы, усердный труд крестьян, положение которых здесь не зависит от воли плантатора.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

Его часто можно встретить на митингах, на литературных семинарах и симпозиумах, на кинопросмотрах. Мартин Викрамасингхе, несмотря на свои восемьдесят с лишним лет, принимает активное участие в культурной жизни Коломбо. Однако хотелось увидеть его дома, в семье, в окружении его любимых книг и домашних вещей. И вот мы в одном из пригородов Коломбо. Тишина, лишь где-то в чаще поют птицы... Мартин плывет к нам навстречу на плоту, упираясь шестом в дно небольшого пруда, который образовался в дождливый сезон.

Засуетилась хозяйка дома, жена писателя — Према. На столике появились традиционные орешки, напитки и сингальские сладости, которые она готовит с большим искусством.

Трудно вести беседу с писателем, у которого за плечами большая и сложная жизнь, десятки романов и повестей, сотни литературно-критических и философских статей, у которого все его думы и помыслы — в его творчестве. Любой вопрос в таком случае может показаться мелким, банальным. Но и у большой и красивой жизни есть свое начало. Начало! Меня почему-то

всегда интересовало это начало. Где и как совершается поворот человеческой судьбы? Почему человек стал писателем, художником, инженером, музыкантом, журналистом или летчиком? Почему этот еще маленький ручей повернул именно в ту сторону, а не в эту, где-то принял в себя другие ручейки и вот уже течет большой, полноводной рекой?

— Свой первый роман я написал, когда мне было девятнадцать лет, — начинает рассказ Мартин Викрамасингхе. — Он был напечатан в Коломбо тиражом всего лишь две тысячи экземпляров. Помог его издать один мой знакомый бизнесмен. В тысяча девятьсот девятнадцатом году написал «Эссе», одну из глав которого я посвятил анализу творчества Толстого и Чехова. В тысяча девятьсот двадцатом году вышел мой второй роман — «Сома», — названный так по имени героини. Он имел успех.

— Да, но вы все же не ответили на мой вопрос. Как вы стали писателем?

— На этот вопрос трудно ответить, — говорит Мартин Викрамасингхе. — Когда я был еще двенадцатилетним мальчиком, то часто ходил гулять на берег океана, к коралловым рифам. Меня заинтересовала жизнь морских животных и растений, а также эволюция живой природы. Я много думал об этом, читал книги и начал записывать свои мысли и наблюдения. Переделывал написанное, уничтожал, вновь брался за рукопись. Лишь переписав пятый раз, я предложил ее к изданию.

Он достает из шкафа выпущенную в 1960 году книгу. Это уже пятое издание работы Викрамасингхе об эволюционном развитии в природе.

— Конечно, — продолжает писатель, — когда мне было пятнадцать-шестнадцать лет, я не мог печататься, да и вряд ли нашлось бы достаточно желающих читать мои исследования. Но эти самостоятельные литературные занятия увязывались с чтением вообще, в том числе художественной литературы, которая в то время начала проникать в широкие слои народа. Так от научных и литературных эссе я перешел к художественному творчеству. После публикации первого романа, персонажи которого взяты из жизни родного села, я чрезвычайно увлекся литературой, стал читать запоем все. Но особую

Недавно некролог в «Литературной газете» сообщил советским читателям о кончине выдающегося сингальского писателя Мартина Викрамасингхе

роль в моем формировании как писателя сыграли мастера русского художественного слова — Толстой, Чехов и Горький, влияние которых на мое творчество не ослабевает и теперь.

В 1924 году вышел сборник коротких рассказов под названием «Женщина» (до сих пор эта книга стоит в

рекомендательном списке для чтения по программе литературного факультета университета). Книга получила хорошие отклики, но ее двухтысячный тираж я не мог распродать в течение десяти лет. Почему? Да потому, что воспитанную в английских традициях цейлонскую интеллигенцию интересовали английские авторы сентиментального направления, а не реалистические рассказы на сингальском языке о бедной сингальской деревне. Книга шокировала читающую публику. Лишь через десять лет после ее издания сингальский язык был введен как обязательный в средних школах и колледжах.

— Мне особенно приятно отметить, — продолжает рассказ Викрамасингхе, — что в 1934 году «Ананда колледж» внес этот сборник в списки обязательной литературы. И тем не менее на литературные заработки я прожить тогда не мог и работал клерком в различных фирмах, а позднее — в редакциях газет и журналов, в том числе и небезызвестном газетном концерне «Лейк Хауз», редактором газеты на сингальском языке «Динамина».

— Какое из своих произведений вы считаете наиболее значительным?

— Роман-трилогию, кстати переведенную на русский язык и опубликованную в СССР. По одному из романов трилогии — «Гампералия» («Изменяющаяся деревня») — поставлен фильм. Книга переведена также на английский язык. Перевод давно лежит у лондонских издателей, но они, видимо, не торопятся с изданием. Не менее важным с художественной точки зрения считаю и роман «Бесстрастный», который также переведен на английский язык одним профессором английской литературы. Профессор увез роман в США, и там он пока лежит у издателей на рассмотрении... Это молчание западных издателей меня мало трогает. Я писал книги для своего народа и рад, что мои произведения нашли путь к сердцам простых людей страны.

Наша беседа подходит к концу, и я задаю последний вопрос:

— В каком возрасте писатель пишет более свободно и совершенно?

— Для меня сейчас лучшая пора творчества, — говорит Мартин. — Я знаю жизнь, хорошо овладел слож-

ностями языка. Однако за последние годы я не написал ни одного романа. Почему? — спросите вы. Может быть, потому, что я увлекся философией и литературоведением. Но я вспоминаю рассказ об одном разговоре: когда Тургенев навестил Льва Толстого в его имении, то у него завязался разговор с женой последнего Софьей Андреевной. Она спросила Тургенева, почему он перестал писать свои прекрасные романы. Тургенев ответил, что он уже в таком возрасте, когда вряд ли его может полюбить женщина... А Тургенев был моложе меня.

Через два дня после нашей встречи я получил письмо от Мартина Викрамасингхе, в котором он выражал признательность всем советским организациям, поздравившим его с днем рождения.

«Я читал Гоголя, Толстого, Горького и Чехова еще до революции 1917 года, — писал он. — И они произвели на меня глубокое впечатление. Позже я читал и других классиков русской литературы. Я три раза побывал в СССР. Личное знакомство с людьми, их новой жизнью, с советскими учреждениями, а также чтение современной советской литературы укрепили мою любовь к русским людям. Новые контакты помогли мне убедиться в том, что русский характер с его сердечностью и гуманностью, несмотря на колоссальные изменения в науке, технике и в самом обществе, остался неизменным».

...Встречи с Мартином Викрамасингхе всегда были интересными, но больше всего запомнилась эта. Мы пришли к нему без предупреждения: ланкийский художник Джаянта Премачандра и я. Мартин сидел за рабочим столом и с одним из помощников читал гранки своей новой книги. Он пожаловался нам на ухудшение зрения, на плохую работу наборщиков. Рукопись книги, переписанная набело дочерью, теперь прислана обратно вместе с гранками, в которых уйма ошибок, — вот и приходится выправлять.

Мы начали беседу, а Джаянта Премачандра прилежало в стороне, достал бумагу, карандаши и стал делать эскизы к будущему портрету писателя.

Разговор зашел о трудностях и своеобразии писательского труда, о роли и месте писателя в обществе, о русской литературе и ее влиянии на Востоке.

— Великие русские классики, — заявил Викрамасингхе, — ввели в русскую литературу беспощадный реализм. В своих произведениях Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов, Горький показали распад современного им общества и этим подготовили Россию к борьбе против капиталистической эксплуатации, к социалистической революции. Явившись лучшими творцами русского романа, они игнорировали устоявшиеся принципы его построения, общепринятые в Европе XIX века.

Я сказал Мартину Викрамасингхе, что недавно прочитал аналогичное мнение о романе в книге Михаила Пришвина. Он всю ругал писателей, которые считали написание романов несерьезным занятием, своеобразным отхожим промыслом. Русские же романисты, по мнению Пришвина, начиная с А. С. Пушкина, стали писать романы, «вытаскивая на свет божий всю подноготную русской жизни, корни самой русской жизни». Этим и обессмертили они свое имя.

— Однако на Западе, — заговорил Викрамасингхе, — время от времени появляются литературные критики, которые упрекают выдающихся русских писателей за несовершенство формы их романов и повестей, за то, что они не придерживались определенных, общепринятых на Западе канонов и литературных форм. Так, один «писатель» — кажется, его имя Перси Лаббок — написал огромный том с критикой Льва Толстого. По словам этого горе-критика, в толстовских «Войне и мире», «Анне Карениной» сложено вместе по два-три романа и строго не выдерживается сюжетная линия.

— Видимо, некоторые хотят стать известными путем сожжения храмов, — вставил я.

— Да, — подтвердил Мартин. — А по-моему, это право писателя избрать форму для своего произведения.

И тут он повторил мысли, аналогичные тем, которые были в дневниках Пришвина о сюжете. Свою аргументацию Пришвин построил на разборе чеховской «Степи». Можно сюжетом объединить предметы, писал он в дневниках, а можно просто любовью к родной земле и людям, как сделал это Чехов в «Степи». И далее: «Тем-то и очаровательна „Степь“, что в ней нет сюжета, как механического приема, в том смысле нет сюжета, что лучше вовсе ему не быть, если он не живой...»

— Чехов заметил, — продолжал Викрамасингхе, — поскольку нет начала и конца жизни, постольку нет начала и конца рассказа об этой жизни. Удивительно точно сказано! Но ведь так могли бы написать и буддийские или индийские писатели и мыслители, взгляды которых на жизнь и искусство, как видим, в чем-то совпадают с взглядами классиков русской литературы. Чтобы добиться успешного развития сингальского романа, основанного на традициях, заимствованных нами из прозы и поэзии языка пали, сингальских народных сказов о жизни деревни, наши писатели должны изучать русский роман. Это знакомство, я уверен, даст им возможность освободиться от западного влияния и рабского подражания старой санскритской литературе.

О значении русской литературы Мартин Викрамасингхе мог говорить часами и со знанием дела. Это любимый предмет его литературоведческих исследований, который нашел отражение в книгах и статьях, таких, например, как «Буддийские джатаки и русский роман» (1956), «Русский роман» в книге «Буддизм и культура» (1964), «Революция и эволюция» (1971) и другие. Громадные достижения русского романа, говорил он, стали возможны не только благодаря творческому гению русских писателей, но еще и потому, что русские писатели всегда были в гуще жизни своего народа и черпали у него свое вдохновение.

Любовь и симпатии родоначальника современной сингальской литературы к Советскому Союзу, к советским людям безграничны. Он не скрывает этого. Об этом он говорит открыто в своих публичных выступлениях, в своем творчестве. Писатель неоднократно посещал Страну Советов. Несмотря на свой преклонный возраст, недавно вместе с Премой он вновь побывал в СССР, правда на этот раз для лечения глаз. Даже находясь длительное время в больнице, лишенный возможности поехать по стране, он тем не менее смог отметить то новое, что произошло в СССР.

«Советский Союз, — писал он мне в письме из клиники 14 октября 1972 года, — кажется, стал одной из богатейших стран мира. И это весьма отрадno, ибо здесь все богатство принадлежит народу, а не нескольким индивидуумам. Все мужчины и женщины хорошо одеты, по последней моде. Во всем виден прогресс. Се-

годняшние достижения Советской страны колоссальны и не идут ни в какое сравнение с тем, что я видел в 1959 году, когда посетил СССР впервые. Я надеюсь получить в Союзе советских писателей литературу, которая даст мне полное представление о замечательных достижениях в области образования, здравоохранения, в производстве предметов широкого потребления и т. д.».

Мартин Викрамасингхе — самый популярный писатель в Шри Ланке. Каждое его новое произведение — крупное событие в литературно-художественной жизни. Его книги пользуются неизменным успехом, выдерживают по нескольку изданий, что в условиях страны не такое уж частое явление.

Бурный расцвет переживает сингальская литература в настоящее время: появляется много молодых талантливых писателей, издается все больше книг прозы и стихов на сингальском языке, а рост грамотности среди молодежи расширяет ряды читательской аудитории. И на этом фоне особенно рельефно выделяется фигура Мартина Викрамасингхе — патриарха реалистической сингальской литературы.

ДВА ПОРТРЕТА

— Если вас интересуют фрески буддийских храмов, то вам нужно побывать в одном храме близ Канди. Это километров пятнадцать в сторону. Там действительно изумительные фрески, и мало кто о них знает, — сказал мне как-то при встрече знакомый журналист.

Конечно, час, который я отвел для ознакомления с храмом во время поездки в Канди, превратился в несколько часов — так трудно было найти это место в горах, никто толком не знал дороги. Судя по тому, как хранитель этого храма, монах, отчитывал нашего шофера за непрошенных гостей, можно было сделать вывод, что иностранцы здесь бывают редко. С трудом мы уговорили сварливого служителя культа разрешить нам посмотреть фрески храма. То, что мы увидели «за семью замками», действительно достойно внимания, так как представляет большую художественную ценность.

Таких храмов на острове не один десяток. Конечно,

часть их государство взяло под свою охрану. Но многие полуразрушены или находятся в малодоступных пещерах, в горах. И вот, чтобы сохранить для потомков память о наиболее выдающихся образцах храмовой росписи, монах Манджусри взял на себя непосильную для одного задачу — скопировать все наиболее известные фрески различных храмов.

Он обошел большинство буддийских храмов острова, перенося на бумагу то, что его поражало в настенной храмовой живописи. Однажды, еще в ранний период деятельности, одну папку с рисунками он потерял. Затем часть их восстановил вновь. А другие пропали безвозвратно, так как стены ряда храмов и лесных пещер к тому времени окончательно разрушились.

Теперь уж довольно известный художник Республики Шри Ланки Манджусри хочет подвести итог своих сорокалетних трудов и опубликовать книгу о цейлонской средневековой живописи. Вся коллекция его рисунков с древних сингальских фресок будет представлена в этой книге.

Судьба Манджусри необычна. Его академией стал Гаутамавихара — буддийский монастырь, каких раньше было много. Стены его украшали необычные фрески старинных безвестных мастеров. Кто были эти мастера? Талантливые самородки-монахи, носившие по традиции оранжевую одежду*. В монашеском сане тридцать лет пребывал и Манджусри. За это время он изучил пали и санскрит. С помощью японского монаха, которому он преподавал пали, овладел основами японского языка, так как хотел познакомиться с религиозными трактатами другой секты буддизма.

Неуемная тяга к знаниям не давала покоя его душе. От других монахов он узнал, что в Индии, в знаменитом тагоровском Шантиникетоне, есть хороший знаток китайского языка. Так из буддийского храма он попал в настоящую школу искусства, где преподавал сам Рабиндранат Тагор. Под влиянием атмосферы Шантиникетона Манджусри стал учиться рисованию. И вполне естественно, по памяти рисовал фрески цейлонских храмов. Через два года он прерывает учебу и возвращается

* Буддийские монахи в зависимости от принадлежности к одной из трех сект буддизма — хиньяне, махаяне, ламаизму — носят оранжевую, желтую или красную одежду.

ся домой. Здесь опять упоенно изучает фрески старинных буддийских храмов и много рисует. Вновь Шанти-никетон. Великий Тагор заметил его рисунки, похвалил. Их поместили на выставке вместе с тагоровскими.

Творческая атмосфера в тагоровском учебном заведении давала простор для вдохновенного труда каждому. Манджусри продолжает рисовать, изучает китайский язык, буддийскую философию.

Поездка в Сикким. Непоседливый монах хочет познакомиться с тибетским искусством. Он встречается с известным художником Учимом, который обслуживал Точчиламу (ламам в то время разрешалось держать своих художников). У Учима Манджусри продолжает совершенствоваться в рисунке акварелью, тщательно изучает буддийские и тибетские особенности живописи.

Наконец в 1942 году, после десятилетних скитаний, возвращение на Цейлон. Со свитками бумаги и кистями бродит он с другим монахом по лесным чащобам, отыскивая неизвестные храмы и пещеры, где встречается древняя храмовая живопись.

В разгаре вторая мировая война. Японцы совершают воздушный налет на остров. Англичане ждут со дня на день прихода японских кораблей с десантом. А тут по лесу бродят два монаха в оранжевых одеяниях со свитками, говорят на незнакомом для здешних мест языке (бенгальском), да еще с биноклем. Не иначе как составляют карты, шпионы...

Арест. Пребывание в заключении для выяснения личности «странных» монахов.

Вновь творческие поиски. И вот первое участие на цейлонской выставке художников вместе с «Группой 43»*, порвавшей со старыми, академическими канонами и пошедшей по пути западного модернизма. Однако работы Манджусри в стиле иконографических традиций резко выделялись среди остальных картин. Они были более понятны и названы лучшими. Об этом в один голос писали местные газеты. Картины с успехом были распроданы. Манджусри задумался. Может быть, причиной его громкого успеха было не само творчество, а монашеская одежда...

* «Группа 43» — объединение группы художников, созданное на Цейлоне в 1943 году.

В последующие годы на двух выставках — новое признание. Сам британский консул приглашает его приехать в Англию и устроить выставку работ. Лондон. Вена. Венский национальный музей приобретает двадцать две его картины. Возвращение на родину. Отказ от монашеского сана. Женитьба...

— Это моя супруга, — представил художник очень молодую женщину, которую я принял за его дочь. Я был очень удивлен, слишком велика была разница в возрасте. Он это заметил.

— Мы поженились, когда мне было пятьдесят три года, а ей всего лишь двадцать. Ведь вы знаете, — продолжал Манджусри, — буддийская религия не только не разрешает монахам жениться, но даже смотреть на женщин, сидеть рядом. При виде женщины монах должен отвернуться... А сейчас мы живем счастливо. Одно время я, как и вы, был даже журналистом и работал в сингальской газете «Ланкадипа». Тогда я и начал писать статьи о живописи храмов. А сейчас я уже считаю авторитетом по храмовым фрескам Цейлона. Два года работаю над книгой. Подготовил для нее тысячи рисунков.

Он показывает мне копии фресок многих, теперь уже разрушенных временем храмов. Значительная часть этих рисунков опубликована в журналах. Рецензии на них периодически появляются в местных газетах.

Художников, представителей храмовой стенописи, называют здесь «ситарру», что означает «народные художники». К этому направлению примыкает и Манджусри. Характеризуя творчество художников ситарру, Мартин Викрамасингхе пишет: «Не имеющие образования старые народные мастера вдохновлялись религиозными чувствами. Когда они рисовали на стенах храмов сцены из жизни Будды, то невольно старались выразить эти чувства в своих рисунках».

Теперь фрески многих храмов расцениваются как великое достояние культуры и искусства цейлонского народа. Примером этого служат фрески Келании, которые продолжают оказывать влияние на современную живопись.

Именно это влияние можно проследить в похожих на фрески акварелях художника Джаянты Премачандры.

Имя Премачандры не ново в кругах советской творческой интеллигенции. Его выставка проходила в Доме дружбы народов в сентябре 1963 года.

Но времена изменились. Если Манджусри ездил учиться живописи в Тибет, Премачандра занимался в стенах старинного Строгановского училища в Москве.

К нему рано пришла известность. Первая персональная выставка состоялась в Англии. Его работы демонстрировались в Индии и ОАР, США и Японии, Болгарии и Узбекистане. Конечно, пишет критик в «Таймс оф Цейлон», нельзя отрицать влияния на него и современного искусства, но в главном он остался верен традициям своей земли, народным художником в широком смысле слова. Особенно реалистичны его картины из сельской жизни: сбор урожая, игра на раббана (вид барабана), сельский базар, национальные праздники и обычаи, перахера. Причем перахеру он скорее показывает не как религиозный обряд, а как красочный народный праздник. Перахера у него изображена и маслом, и акварелью, и в мозаике. А вот еще одна картина маслом — «Сбор урожая»; и еще — «Воловья упряжка в деревне». И все это в реалистической манере, с умелым использованием цветовой гаммы. Откуда этот реализм у молодого художника? Почему не абстракционизм? Ведь это более модно и доходно. Может быть, потому, что в детстве жил в сингальской деревне и, сколько помнит себя, всегда ходил с карандашом, кисточкой, красками и рисовал сценки из деревенской жизни. Может быть, «виновата» газета, где он помещал свои рисунки и карикатуры, все та же «Ланкадипа» с ее национально-демократическими традициями, явившаяся своеобразной школой для многих цейлонских писателей, журналистов, художников. И, конечно, «виноваты» Илья Репин и Павел Корин, Александр Иванов и Александр Дейнека.

— Помните «Явление Христа народу», — говорит Джаянта Премачандра, — здесь бог — тоже человек. У него не случайно нет нимба. Таково видение русского художника, и поэтому он мне нравится.

— А помните картину Мясоедова «Земство обедает»? — продолжает он. — Вы даже не представляете, как эта картина понятна нам и как потрясающе правдива мысль художника, заложенная в произведении!

Буддийский скальный храм Исурумунья около Анурадхапур, древней столицы Шри Ланки

Мы говорили с ним о взаимопроникновении в искусстве, о неразрывных связях культуры народов различных стран. И как не правы те западные критики, которые продолжают перепевать Киплинга, сказавшего на заре колониализма, что Восток есть Восток и с Западом ему никогда не встретиться.

Манджусри и Джаянта Премачандра — представители разных поколений, но они — современники! Они певцы разных стилей, разных эпох. Но они — певцы единого национального искусства, богатого своим колоритом, многообразием. Голос одного не заглушается, а дополняется другим. И преемственность традиций, поколений! Даже самое современное, действительно настоящее искусство не может родиться в отрыве от прошлого, на пустом месте. Оно пышно расцветет, лишь используя опыт прошлого. Об этом свидетельствует история искусства. Именно это ярко утверждают в своем творчестве Манджусри и Джаянта Премачандра.

КИНО: ЛУЧШИЕ ФИЛЬМЫ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Мы сидели в беседке недалеко от съемочного павильона, когда подошла она, пожилая, усталая женщина, с глубокими морщинами на лице. Мне показалось, что это нищенка. «Нищие проникают даже на студию», — подумал я.

— Это киноактриса, она только что со съемок и не успела переодеться, — как бы поняв мою мысль, говорит знакомящий меня со студией кинооператор. — Редко какой цейлонский фильм обходится без нее. Поговорите с ней. У нее интересная жизнь.

Дэнавана Хэmine 62 года. Но она недавно стала профессиональной актрисой. Любому мало-мальски знакомому с киноиндустрией стран Азии известно, что женщины-киноактрисы в таком возрасте — явление редкое. Чаще всего в кино снимаются девушки до замужества. Брак, как правило, кладет конец женской кинокарьере. Ничего не поделаешь. По установившимся здесь обычаям семейная жизнь и сцена — понятия несовместимые...

Хэmine была учительницей сингальского языка в начальной школе. Встреча с кинопродюсером Дж. Перера в 1965 году в корне изменила ее судьбу. Она сня-

лась в первом его фильме и осталась в кино. За это время она сыграла много разнообразных ролей, в том числе и комедийных. В 1967 году Хэmine получила премию прессы за лучшую женскую роль на фестивале сингальских фильмов в Коломбо.

— Она полюбила кино и не сожалеет о своей прежней профессии, — переводят мне друзья ее слова. — Она — «бокс офис стар», то есть кинозвезда, с участием которой фильмы всегда дают кассовый сбор.

О «звездных» проблемах рассказывает нам и Гамини Фонсека, самый популярный актер цейлонского экрана. Мы застали его на съемочной площадке. Снимался фильм «Свет мира» — о жизни цейлонского художника. Фильм реалистичен. Показаны обычная жизнь, творческие муки, лишения и борьба с нищетой малоизвестного художника. Социальный конфликт. Его жена — из богатой семьи, вышла замуж против воли родителей. Теперь она изолирована от своей среды и обречена на нищету.

Гамини Фонсека исполняет в фильме роль художника. Жену художника играет молодая киноактриса Малини Фонсека (однофамилица Гамини Фонсека). В перерыве между съемками киноактер рассказывает о себе:

— Я очень люблю свою профессию. Пришел в кино после окончания колледжа и курсов журналистики. Учился также немного на художественном факультете в колледже изящных искусств, а с 1955 года — в кино. Сначала был техником-осветителем, потом помощником кинооператора, директором картин. И вот наконец стал актером. Как видите, лесенка к моему актерскому мастерству была очень длинной и шаткой. Почти за двадцать лет работы в кино снялся в сорока пяти фильмах.

Гамини Фонсека рассказал о своих творческих планах. Он пробует свои силы в качестве режиссера. Снял уже два фильма. Один из них был показан на Московском кинофестивале. Но, к сожалению, не хватает времени. Обычное время съемок фильма в Шри Ланке — около 40 дней, и это очень напряженные дни. Конечно, чтобы снять полнометражный фильм за месяц-полтора, требуется колоссальное напряжение физических и умственных сил. Нужно также учесть, что киноактер здесь не получает ежемесячной заработной платы. Актеров на-

нимают для съемок того или иного фильма, а потом они свободны. И за простой им никто ничего не платит. Производство фильма в Шри Ланке — это часто своего рода кооперативное предприятие, где заранее оговариваются оплата труда всех участников и вклады пайщиков. Съемки фильма «Свет мира» субсидировали семь человек, в том числе и сам Г. Фонсека.

Производство черно-белого фильма в среднем обходится около 300 тысяч рупий. «Звезды» первой величины (Г. Фонсека) получают до 50 тысяч рупий за участие в фильме, а молодая актриса, даже если она исполняет одну из главных ролей, зарабатывает 8 тысяч рупий. Такова «звездная» система.

В заключение нашей беседы я спросил мнение Г. Фонсека о развитии сингальского кино, о новых тенденциях и перспективах.

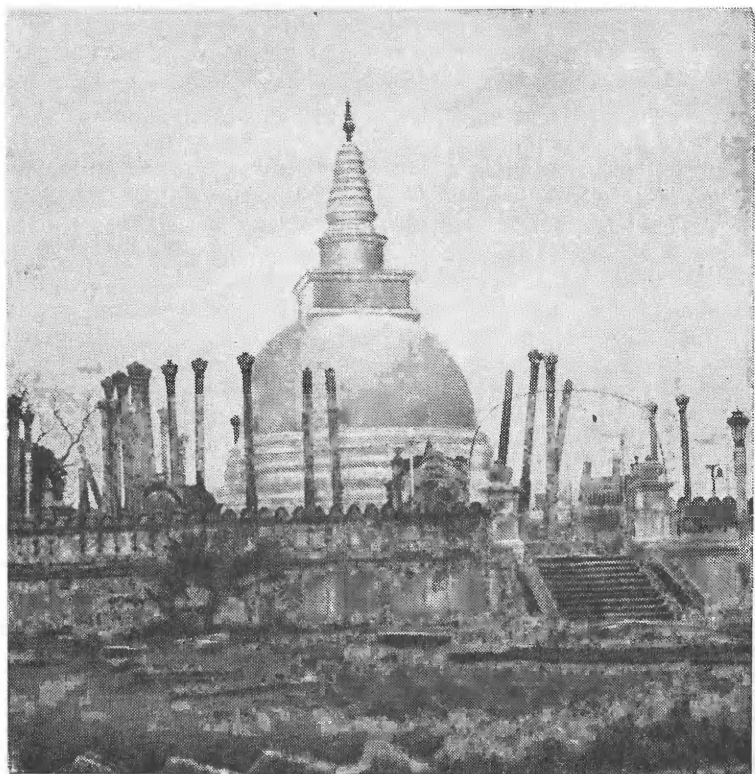
— К сожалению, должен отметить, — говорит он, — что общий уровень нашей кинематографии еще низок. Цветные фильмы почти не снимаются: за все время на экраны вышло только два. И даже черно-белые фильмы мы снимаем давно устаревшей техникой. Но если говорить о художественной стороне, то некоторые наши картины получили широкое признание.

Он даже отметил превосходство ряда цейлонских фильмов над коммерческими иностранными, которые широко демонстрируются в Шри Ланке. Вместе с тем он с восторгом отзывается о целой серии выдающихся кинопроизведений индийского кинорежиссера Сатьяджит Рея.

— Конечно, — говорит Фонсека, — Сатьяджит Рею нет равных во всей Азии, но наш кинорежиссер Лестер Перис по своему мастерству приближается к нему.

И вот по приглашению Лестера Периса мы в демонстрационном зале одной местной кинокомпании — знакомимся с творчеством, теперь уже можно сказать, классика сингальского кино.

Кадры фильма переносят нас в дом цейлонского феодала-аристократа конца прошлого столетия. Он на грани банкротства. Финансовые затруднения усугубляются обещанием, которое он дал умирающей матери, — никогда не продавать родовое имение. Оказавшись в затруднительном положении, герой фильма вспоминает старое предание: тот, кто принесет в жертву богам де-

Буддийское культовое сооружение — дагоба в Анурадхапуре

вушку, найдет сокровище. Причем эта девушка должна иметь родинки на лице. И вот герою фильма встретилась такая девушка. Он женился на ней, полюбил ее. Терзаемый раздвоенностью между вспыхнувшим чувством к молодой женщине и «необходимостью» принесения жертвы, этот помещик все же совершает задуманное убийство. Однако никакого сокровища он не находит. Окончательно разбитый жизненными неудачами, мучимый совестью за совершенное злодеяние, он в конце фильма приходит к выводу, что истинным сокровищем является сам человек, что главным сокровищем для него была загубленная им молодая женщина — его жена. Так заканчивается один из последних фильмов

известного цейлонского кинорежиссера — «Сокровище». Фильм глубоко гуманистичен. На ежегодном национальном кинофестивале в Коломбо он был удостоен главной премии.

Имя Лестера Периса не ново в кинематографии молодой Республики Шри Ланки. Из десяти лучших фильмов, названных Ассоциацией кинокритиков, недавно подводившей итоги двадцатипятилетнего развития цейлонского кино, три фильма принадлежат Лестеру Перису. Больше того, с творчеством этого мастера экрана кинокритики связывают развитие реалистических основ в национальном кинематографе.

Творческая биография кинорежиссера началась в 1955 году, когда он и его коллеги — киноактер Вильям Блейк, киноредактор Титус Тотаватте — ушли из отдела кинофикации при правительстве, чтобы создать свою творческую группу. Основываясь больше на энтузиазме, чем на опыте, группа кинодеятелей смогла тем не менее создать свое собственное направление, давшее новый импульс развитию национального кино в последующее десятилетие. Важным в этом плане событием явился фильм Лестера Периса «Гампералия» («Изменяющаяся деревня»), созданный в 1963 году по одноименному роману выдающегося сингальского писателя Мартина Викрамасингхе.

Новшеством здесь явились необычные для сингальского кино натурные съемки и участие большого количества непрофессиональных актеров. Повествование идет медленно, неторопливо, как и сама деревенская жизнь, без традиционных песен и танцев, наводнявших цейлонские ленты прошлых лет.

Кинофильм «Гампералия» на Международном кинофестивале в Дели в 1965 году получил премию — «Золотого павлина».

— С группой молодых деятелей кино, — рассказывает Лестер Перис, — мы стремились поднять жгучие проблемы деревни с ее феодальными пережитками, рассказать о властном вторжении города в сельскую жизнь. Вместе с тем мы выступили и против слепого подражания зарубежным коммерческим фильмам с их декоративностью и искусственной игрой. Такие картины заполняли экраны тех лет да и сейчас еще продолжают свое шествие по экранам кинотеатров страны. По на-

шей инициативе в сингальском кино стали пробиваться реалистические тенденции.

— И все же, — продолжает Лестер Перис, — мы, я имею в виду также и других кинорежиссеров, еще не затрагивали в искусстве главных тем, особенно проблем современности. Это одна из причин постоянной критики в адрес сингальских фильмов последнего времени: сегодняшняя киноаудитория хочет видеть фильмы не только о прошлом, где мы разоблачаем мир чистогана, показываем умирающий класс феодалов и помещиков. Им нужны фильмы, раскрывающие всю сложность противоречий современного общества. В своем фильме «Пять акров земли» (1970) я попытался показать судьбу молодых людей, которые получают хорошее образование в городе, но не могут найти работу и возвращаются в родную деревню без всякой перспективы. Родители таких ребят, жители деревни, отказывали себе в самом необходимом и собирали деньги для завершения образования своих детей. И вот теперь эти молодые люди или девушки снова дома. У них нет никакого будущего. И они вдвойне мучаются оттого, что видят страдания и нищету своих родителей и ничем не могут им помочь. Как это тяжело и трагично!

Далее он говорит, что в национальном кинематографе не нашла своего воплощения и тема растущего рабочего класса.

— Здесь, — продолжает он, — нам есть чему поучиться у наших советских коллег — работников кинематографии СССР. Я сделал этот вывод после знакомства с многими кинокартинами Эйзенштейна, Довженко, Донского, Чухрая, а также с работами киностудий советских республик за последние годы.

Кроме лестеровских фильмов в число лучших картин, названных Ассоциацией кинокритиков, вошли: фильм режиссера Сири Гунасингхе «Семь морей», первый в стране широкоэкранный фильм «Песчаные дюны» режиссера Д. Нихалсингхе и фильм «Процветает другой», поставленный Гамини Фонсека, впервые выступившим в качестве кинорежиссера. В настоящее время в Шри Ланке выпускается двадцать пять художественных картин в год, из которых, по свидетельству кинокритика Ноэль Перера, двадцать — двадцать два фильма чисто коммерческие.

— К сожалению, финансирование фильмов до сегодняшнего дня, — говоря о проблемах современного сингальского кино, заявляет Ноэль Перера, — осуществляется на частной основе, как и любой другой бизнес. Среди деятелей кино у нас даже ходит такая шутка: чтобы стать водителем такси, надо иметь шоферские права и другие бумаги, удостоверяющие вашу личность и квалификацию; для кинорежиссеров никаких документов не требуется, нужно иметь лишь финансового патрона. Вот почему идет серый поток развлекательных фильмов с драками, автомобильными катастрофами и тому подобными «захватывающими» сценами.

В 1972 году сингальское кино отметило серебряный юбилей — 25-летие создания первого национального фильма. В том же году была создана и государственная кинокорпорация. На нее возложена задача закупки зарубежных фильмов, а также контроль за их прокатом в стране. Как заявил нам в беседе председатель кинокорпорации Л. Ю. Пиясена, практически и все производство сингальских кинокартин получит государственную помощь и поддержку.

Встречи и беседы с кинорежиссерами, актерами, кинокритиками убедительно показали, что деятели кино Шри Ланки приветствуют меры правительства в поддержку своего национального кинематографа. Вместе с тем они понимают и задачи, которые возлагаются на них: создавать новые полноценные художественные фильмы о современности, показывать жизнь страны во всем ее многообразии, со всеми трудностями на ее пути к новым идеалам.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Ю. Н. Маслова	3
Голубые сапфиры Ланки	5
Чашка чая	15
Человек из каменного века	24
Хозяева джунглей	30
Культ кобры: факты и домыслы	41
Слышу голос поющих рыб	47
Подводное сафари	51
В океане зажглись огоньки...	61
«Принц, который должен прийти»	67
Большая жизнь	73
Два портрета	80
Кино: лучшие фильмы еще впереди	86

Илья Васильевич Сучков
В ТЕНИ КОКОСОВЫХ ПАЛЬМ

**(Очерки о природе
и людях Шри Ланки)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *И. А. Бодянская*
Художник *А. В. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *О. Л. Щигорева*

Сдано в набор 3/V 1976 г. Подписано к печати 23/IX 1976 г. А-14712. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 3,0. Усл. п. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,98. Тираж 15 000. Изд. № 3895. Зак. № 351. Цена 17 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдут:

Республика Шри Ланка: история и современность. 15 л.

Юго-Восточная Азия в мировой истории. 19 л.

Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 (Книга — почтой) «Академкнига».

Цена 17 коп.